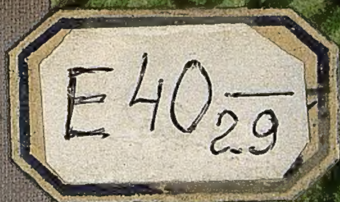

E 40 29

45 коп.

В. ЛЕЙКИНА.

ПОХОД ЮДЕНИЧА

ПРИБОЙ
1929

В. ЛЕЙКИНА-Свирская

ПОХОД ЮДЕНИЧА

ПРИБОЙ 1929

ЧИТАТЕЛЬ!
Отзыв об этой книге пошли по адресу: Москва, Ильинка, 3, Госиздат, в редакцию журнала «Книга и революция»

76 × 10 — 4½ л. А. 43 № 12850/Пр.
Ленинградский Областлит № 37073
Тираж 5000.

ЛЕНИНГРАД — ГОРОД РЕВОЛЮЦИИ

10 лет тому назад, 17 октября 1919 г., В. И. Ленин обратился к рабочим и красноармейцам Петрограда со следующим письмом: «Товарищи, вы все знаете и видите, какая громадная угроза повисла над Петроградом. В несколько дней решается судьба Петрограда, решается судьба одной из твердынь советской власти в России... Враг старается взять нас врасплох. У него слабые, даже ничтожные силы, он силен быстротою, наглостью офицеров, техникой снабжения и вооружения. Помощь Питеру близка, мы двинули ее. Мы гораздо сильнее врага. Бейтесь до последней капли крови, товарищи, держитесь за каждую пядь земли, будьте стойки до конца. Победа недалека. Победа будет за нами».

Город Ленина, город революции, видевший в прошлом восстание декабристов, цареубийство 1 марта, переживший октябрь 1905 г., свергший самодержавие в марте 1917 г., — первый город первой страны, в которой власть перешла в руки рабочего класса. На него не один раз бросалась вооруженная контрреволюция и каждый раз отступала, не дойдя до городских застав. Николай II посылал на Петроград карательную экспедицию в февральские дни. Генерал Корнилов намеревался в августе 1917 г. разогнать дикой дивизией советы. Казачий генерал Краснов с Керенским в октябре пытались задушить советскую власть, только что родившуюся в огне вооруженного восстания. В феврале 1918 г. немецкие войска подходили к Пскову, заставляя эвакуировать Петроград. Летом 1919 г. белая армия Родзянко приближалась к Гатчине, а в октябре Антанта поставила своего последнего козыря — Юденича, дошедшего до Пулковских высот.

Значение Петрограда для революции — огромно.

*

Петроград — крупнейший политический и культурный центр, насчитывавший перед войной свыше 2 млн населения, военно-морской центр, в котором сосредоточено управление Балтфлотом; узел многочисленных железнодорожных, шоссейных и водных путей делает его крупнейшим центром внешней торговли. По размерам импорта он стоит на первом месте среди других портов. В 1913 г. через Петроград ввозилось 4 011 000 тонн, а вывозилось 2 650 000 тонн. Но, помимо всего, и это самое главное, Петроград — крупнейший промышленный и рабочий центр, город заводов-гигантов. Довоенная промышленность его насчитывала (в 1913 г.) 779 предприятий с 242 580 рабочих и со стоимостью годовой продукции 696 574 000 р. Это составляло 13% стоимости всей продукции и 10% всей рабочей силы страны (в пределах СССР).

На первом месте в Петрограде стоит металлическая промышленность, важнейшая в хозяйственной жизни страны. Петроград имел 266 металлических заводов с 94 642 рабочими, что составляло 28,8% всех металлистов в России и давало 23,3% продукции русской металлопромышленности. Первой по всероссийскому значению являлась петроградская химическая промышленность, слабо развитая в России и почти наполовину сосредоточенная в этом городе. Здесь было 36 заводов с 21 580 рабочих, что составляло 30,4% всех химических рабочих и 42,1% всей химической продукции. Также сильно развита была текстильная промышленность, насчитывавшая 55 фабрик с 40 136 рабочих. Наконец, полиграфическая промышленность, показывает, что Петроград являлся центром культурной жизни, главным местом издания книг, газет и журналов — здесь было 154 предприятия с 23 077 рабочих.

Это пролетарское лицо города определяло настоящее значение Петрограда в революционной борьбе.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА 1918—19 гг.

Победив в Октябре 1917 г. в Петрограде и Москве, власть Советов широким потоком разливается по России, опираясь на рабочие районы, поддерживаемая огромным тогдашним фронтом, протянувшимся от Балтийского до Черного моря, которому она несла мир и конец ненавистной войны. Ее поддерживает взбудораженная фронтовиками деревня, выгнавшая помещиков и получавшая землю. Свергнутая буржуазия не сдалась без боя. Она бежала на казацкие окраины, отложившиеся от советской России, на Дон, Кубань и Урал, где под защитой казачьих атаманов Каледина и Дутова громила советы на Урале и в Донбассе, собирала белую армию и готовилась к войне. Она стекалась и на Украину, где у власти была мелкобуржуазная кулацкая Центральная Рада, прикрывавшая классовую войну с большевиками лозунгом национальной самостоятельности и борьбы с «москалями-угнетателями». Но уже в феврале 1918 г. красная гвардия выгнала и офицерские и гайдамацкие отряды и установила советскую власть на Украине, на Дону, на Кубани, на Урале и в Сибири, — по всей России, всюду встречая поддержку рабочих и бедных крестьян.

Однако этот период легких блестящих побед над слабой и разрозненной русской контр-революцией, которой международные империалисты не имели еще времени помочь, скоро кончился.

3 марта 1918 г. был заключен Брестский договор, который был принят советской властью по необходимости, как временный мир, как возможность путем тяжелых уступок выиграть время для передышки, для создания новой революционной Красной армии.

Германские империалисты под флагом мира

готовились к войне с советской властью и поддерживали донскую казачью контр-революцию, во главе с генералом Красновым, вновь победившую на Дону. Краснов повел борьбу с большевиками на севере Дона, стремясь к ограниченным целям местного краевого масштаба и мечтая о самостоятельности «Всевеликого Войска Донского». Кулацкое казачество, стоявшее за ним, большего не хотело и дальше границ своего Дона не шло. Но на Кубани уже обозначались контуры будущей черной генеральской буржуазно-помещичьей контр-революции, мечтавшей о восстановлении царской России и захвате всероссийской власти. Там отсиживалась Добровольческая армия Деникина, будущая опора Антанты, и ждала своего срока. Срок наступил, когда Германия была разбита, когда открылось для антантовских кораблей Черное море, и английские и французские офицеры привезли долгожданную поддержку Антанты русской контр-революции. Тогда Деникин сделался диктатором белого стана, «главнокомандующим всеми вооруженными силами юга России», и повел наступление на Москву.

Еще с весны 1918 г. претворяются в жизнь замыслы Антанты об интервенции. Собственно уже 23 декабря 1917 г. Англия и Франция договорились о разделе России на две сферы влияния. Так как союзники не могли еще перекинуть собственные войска в Россию, то они воспользовались чехо-словацким корпусом военнопленных, находившихся в России и во времена Керенского сражавшихся против австрийцев. Под видом отправки в Европу через Дальний Восток, этот корпус растянули в эшелонах по всей Сибирской магистрали, от Пензы до Владивостока, а затем в конце мая заставили выступить против советской власти во всех важнейших городах Волги, Урала и Сибири. За июнь — август большевики были вытеснены с востока, и началась

война за Волгу, Урал и Сибирь. Возник восточный фронт Красной армии. Одновременно англичане высадили десанты на Мурмане и в Архангельске, образовав северный противосоветский фронт. Дальний Восток захватили японцы. Сибирь раздирается на части враждой мелких белых «правительств». Власть на Волге находится в руках мелко-буржуазной партии эс-эров, членов Учредительного Собрания, и держится исключительно на чехо-словацкой военной силе. А в Омске накапливает силы Сибирское правительство, резерв буржуазно-помещичьей реакции, так же, как и Деникин, дожидаясь своего срока. Пока враждуют между собой эс-эры и сибирские реакционеры и пытаются создать соглашательскую «всероссийскую» Директорию, фактически, конечно, совершенно бессильную, англичане заботятся о том, чтоб не дать усилиться Японии в Сибири, не выпустить из своих рук Сибирскую железную дорогу и укрепить белый фронт, потому что большевики уже приближаются к Уралу. Для достижения всех этих целей англичане выдвигают военного диктатора на Востоке, адмирала Колчака, военного министра Директории. 18 ноября 1918 г. в Омске с английской помощью происходит переворот, арестовывают и высылают за границу эс-эров, членов Директории, и Колчак провозглашается «всероссийским верховным правителем». Антанта начинает оказывать щедрую материальную помощь своему ставленнику.

Колчаковский переворот произошел через неделю после разгрома Германии в мировой войне. Антанта осталась победительницей. Немецкие войска, занимавшие запад и юг России, стали уходить, и Антанта спешит им на смену. Англия захватывает кавказскую нефть, а Франция высаживает свои войска в Одессе и в Крыму для завоевания Украины и Донбасса. Вскоре после этого, Антанта выдвигает и на юге военную диктатуру генерала Деникина, которому так же, как

Колчаку, помогает укрепиться и стать на ноги. После ухода немцев с запада, Англия посылает свой флот в Балтийское море, а Франция берет под свое покровительство Польшу. Таким образом к 1919 г. Советская республика со всех четырех сторон была окружена железным кольцом белых фронтов, созданных Антантой.

За это время в Европе, после конца войны, проходит полоса революций. Первыми, в ноябре 1918 г., переживают революцию побежденные страны, Австрия и Германия. Монархия терпит крушение, но германский рабочий класс не в состоянии захватить власть, и она остается в руках соглашательских партий. Весной 1919 г., в марте, вспыхивает рабочая революция в Венгрии, где устанавливается ненадолго советская власть. Революционное брожение в Европе и в войсках Антанты, посланных в Россию, конечно, сильно задерживает борьбу с большевиками, но прекратить ее не имеет силы.

В марте 1919 г. Колчак одерживает на Волге крупные победы и доходит почти до Казани. К июню Красная армия оттесняет его обратно к Уралу. В это время прорывается в Донбасс Деникин и к июлю занимает Харьков и Царицын. 3 июля он отдает приказ о походе на Москву, захватывает всю Украину, и к осени его армия доходит почти до Тулы. В октябре Красная армия заносит ударный кулак над Орлом и готовится разбить Деникина; но одновременно Антанта бросает свой последний козырь — поход Юденича на Петроград. Не удался и этот поход. Благодаря несогласованности ударов белых, благодаря раздирающим их лагерь классовым и национальным противоречиям, а также противоречиям интересов подстрекавших их империалистов — они были разбиты по частям Красной армией, которая управлялась единой волей и боролась за власть рабочих и крестьян.

ИМПЕРИАЛИСТЫ В ПРИБАЛТИКЕ

Если взглянуть на послереволюционную карту, мы увидим у Балтийского моря новые государства, входившие раньше в состав Российской империи — Латвию, Эстонию, Литву, а на севере — Финляндию. Прибалтийские страны были во время гражданской войны местом столкновения самых сложных интересов и ожесточенной борьбы. Еще во время империалистской войны немцы заняли Литву и Латвию, а по Брестскому миру и Эстонию и владели Прибалтикой до конца 1918 г. Вся их политика сводилась к тому, чтобы оторвать от России Эстляндию, Лифляндию и Курляндию и присоединить их к Германии. Прибалтийское дворянство — крупные немецкие помещики-бароны, владевшие имениями в среднем до 2000 десятин каждый, — было здесь главной немецкой опорой.

Это дворянство, якобы от имени населения, просило германского императора «оказать военную поддержку при окончательном отторжении Прибалтики от России» и образовать из Лифляндии, Курляндии, прилежащих островов и города Риги «единую монархию, соединенную с германской империей личной унией в лице прусского короля». В августе 1918 г. Германия принудила советскую Россию отказаться от ее верховных прав на Эстляндию и Лифляндию, обещав за это не продвигать германские войска вглубь России. Все это сводилось к уничтожению самостоятельности и присоединению балтийских стран, т. е. к тому, чего добивалась германская военщина.

После разгрома Германия могла поддержать свое разбитое политическое могущество и влиять на Россию только через Прибалтику. Для того, чтобы держать под угрозой северо-запад России и

Прибалтийские страны, нужно было иметь там военную силу.

Какие же были силы у Германии? Хотя немецкие войска ушли с западной границы после германской революции и уже 21 ноября оставили пограничную линию, остатки этих войск, так называемая «железная дивизия», задержались в Риге; кроме того, немцы успели еще до германской революции сформировать белогвардейскую армию во Пскове.

Остановимся здесь подробнее на сотрудничестве русской белогвардейщины с немецкими империалистами. Один из организаторов Псковской, так называемой Северной армии, ротмистр Розенберг, узнал о намерении немцев формировать добровольческие белые армии в оккупированных областях. Он передал об этом подпольным организациям — гвардейской офицерской и монархической, существовавшим тогда в Петрограде (в последнюю входил и ген. Юденич, а возглавлялась она Марковым вторым). Получив их благословение, Розенберг в августе — сентябре выехал в Псков на работу по вербовке армии. Целью этой армии была борьба с большевиками и занятие Петрограда.

Несмотря на то, что официально немцы заключили с советской республикой мир, правительство Вильгельма решило восстановить монархию в России и заключить с ней «законный» мир. В конце августа германские военные круги уже выработали точный план занятия Петрограда при содействии флота, который должен был напасть на город. В этом плане белогвардейская армия должна была первой наступать на Петроград, а за ней должны были следовать германские войска «для поддержания внутреннего порядка и престижа власти».

Немцы обещали Северному корпусу 150 млн марок, вооружение, снабжение и обмундирование на 50 000 человек, 500 пулеметов, 36 трехдюймовых пушек,

24 тяжелых орудия и т. д. Но революция в Германии разрушила все эти разбойничьи планы. Немцы были вытеснены Красной армией, занявшей Псков 26 ноября 1918 г., и их помощь белым прекратилась. Однако уже с весны возрождаются старые планы германских империалистов. С марта-апреля 1919 г. в Прибалтике снова начинают формироваться добровольческие отряды под командой генерала фон-дер-Гольца, усмирителя финляндской революции, приехавшего теперь в Либаву. Армия фон-дер-Гольца, состоявшая из «железной дивизии» и других немецких отрядов, хозяйничала в Латвии, прельщаемая легкой наживой и обещаниями земли от латвийского буржуазного правительства. Она помогла ему разгромить советскую власть в Латвии. Кроме немецкой армии, под командой Гольца находились также и русские белогвардейские отряды, куда входили Добровольческий корпус полковника Бермондта-Авалова и часть остатков Псковской белой армии. Во время гетманщины Бермондт формировал отряды на Украине для монархической добровольческой Южной армии, сражавшейся с большевиками на Красновском фронте. Часть отрядов была им отправлена и в Псков, в Северную армию, имевшую свое представительство на Украине. Эти представители просили взять командование над Северной армией гетманского генерала Келлера. Келлер согласился, но скоро погиб на Украине во время падения гетманщины.

Во время эвакуации немцев Бермондт был увезен в Германию. Там в лагерах военнопленных, по соглашению с германским военным командованием и крупными немецкими заводчиками, он организовал партизанский монархический отряд из русских пленных, преимущественно офицеров. Существуя на щедрую поддержку германских банкиров, Бермондт держался в районе Митавы, куда он прибыл 12 июня.

К октябрю его армия насчитывала $8^1/_2$ тысяч человек, 140 пулеметов, 24 орудия и 18 аэропланов.

Германское социал-демократическое правительство Шейдемана и Носке выплачивало жалованье сорокатысячной контр-революционной армии монархического генерала Гольца, вплоть до сентября 1919 г. Затем, под давлением Антанты, которая в конце июля ультимативно потребовала немедленного очищения Прибалтики, армия Гольца была расформирована, но фактически она просто перешла 21 сентября в русско-немецкую Западную армию Бермондта и продолжала делать свое дело борьбы с балтийскими республиками, прикрывшись русским белогвардейским флагом.

Этот Бермондт в своих воспоминаниях, вышедших в Берлине, очень подробно рассказывает о планах русских монархистов, опиравшихся на поддержку германских реакционеров. Они предложили германскому правительству такой проект демобилизации германской армии: оставив Германии разрешенную союзниками армию в 125 тыс. человек, всех остальных направить под русским командованием, вместе с русскими добровольческими войсками, — против большевиков в Россию. «В две недели большевики были бы свергнуты, — утверждает сей «полководец», — и Россия и Германия могли бы заговорить языком сильных, так как в России к этому времени была бы более чем двухмиллионная армия».

План Бермондта был забракован меньшевиками, входившими тогда в состав германского правительства и опасавшимися потерять свои министерские места, так как «при восстановлении монархии в России, в Германии также будет провозглашена монархия».

Впоследствии, во время похода Антанты на Петроград, Бермондт не пошел на союз с Юденичем, же-

лая занять особый Двинский участок фронта и сохранить независимую от Антанты роль. Под предлогом нападения латышей на эвакуирующихся из Латвии немцев и охраняющих их русских, армия Бермондта бросилась из Митавы на Ригу.

Не менее важное значение имела Прибалтика и для Антанты, главным образом для Англии. Во-первых, ее привлекали владычество на Балтийском море и возможность получения островов Эзель и Даго, охраняющих вход в Финский залив. Во-вторых, Прибалтика была одним из звеньев в цепи интервенции, окружавшей кольцом нашу республику в 1919 г. В борьбе с большевиками Прибалтика являлась очень важным исходным пунктом для наступления на Петроград. Поэтому Англия усиленно поддерживала вновь образовавшиеся Прибалтийские буржуазные республики, боровшиеся с большевиками, а впоследствии и белогвардейскую армию. В-третьих, здесь играло роль соперничество с германским империализмом, которому нельзя было дать окрепнуть. Вначале Антанта не придавала большого значения военным силам Германии в Прибалтике и даже одобряла ее действия против большевиков. Так, например, первый эшелон русских добровольцев, отъезжавших 30 мая из Берлина в Прибалтику, провожали английские офицеры военной миссии, немецкие офицеры и русские офицеры. Англичане роздали всем едущим продовольственные посылки, а также погоны и фуражки русского образца. Немцы приготовили завтрак перед дорогой. При проводах немецкий военный оркестр играл «Боже, царя храни». Эта картина как нельзя лучше показывает дружное объединение всех империалистов и белогвардейцев в борьбе с советской Россией. Но позже Антанта обеспокоилась растущей немецкой силой, заставила убрать Гольца, и вместо помощи Юденичу при наступлении на Петроград, английские миноносцы пошли обстреливать Бермондта в Ригу.

Так произошла стычка двух враждебных лагерей империалистов в Прибалтике.

Военной силой Англии в Прибалтике был ее флот, который сразу же после войны сменил немецкий флот в Балтийском море. 12 декабря 1918 г. на Ревельский рейд прибыли первые суда и приняли на себя охрану побережья от красного флота. Английская эскадра адмирала Коуена, стоявшая в Биорке, в Финляндии, впоследствии насчитывала 23 боевых единицы. На суше же действовала военная миссия во главе с генералами Гофом и Маршем. Эта миссия бесцеремонно поддерживала английское влияние.

Когда Антанта начала активно помогать белогвардейцам, генерал Гоф ревниво попрекал Юденича за надежды, возлагавшиеся некоторыми белыми офицерами на помощь немцев. «Многие русские командиры до того тупоумны, или памятью коротки, — писал он, — что уже открыто говорят о необходимости обратиться за помощью к немцам, против воли союзных держав. Скажите этим дуракам, чтобы они прочли мирный договор. [Версальский договор, дочиста ограбивший Германию. *В. Л.*] Все, что Германия имеет, ею уже потеряно. Где находятся ее корабли, ее подвижной состав? Когда союзники, огорченные неумением и неблагодарностью, прекратят помогать белым частям, тогда проведенное с таким затруднением кольцо, сдавливающее красную Россию, лопнет. Какими путями могут германские войска прибыть в Мурманск, на Кавказ, или на Колчаковский фронт?.. Через несколько недель все германские припасы должны быть сданы нам, а некоторые из ваших офицеров до такой степени глупы и никак не могут сообразить, что Германия отнюдь не давала этих припасов из желания помочь, или от доброты сердечной, а давала их потому, что эти припасы ею уже утеряны».

Сама Англия давала свои пушки и военные при-

пасы белым, откровенно признаваясь в газетах, что это товары, не имеющие рыночного значения и что их нельзя было продать никому другому.

Английскому империализму в Прибалтике приходилось действовать в обстановке обостренных национальных интересов и неразрешимых противоречий. Антанта поддерживала балтийские окраинные государства материально, во-первых в целях интервенции против советской России, а во-вторых потому, что Англии было выгодно расчленить бывшую русскую великую державу и ослабить ее мощь на Балтийском море. Но признать независимость этих маленьких республик Антанта никак не решалась, хотя более крупные государства — Польшу и Финляндию — она признала.

Колебания в ее политике зависели, во-первых, от успехов антисоветской борьбы. В конце 1918 и начале 1919 гг., когда волна революций прошла по Европе, английские империалисты притихли, боясь революционной заразы. Посланные в Россию английские и французские войска разлагались, не хотели воевать против красных. Корабли с пушками и снаряжением отправлялись из английских гаваней в неизвестном направлении, иначе рабочие отказывались их грузить, а иной раз грузчики умудрялись отвинтить у части пушек замки. Глава английского правительства Ллойд-Джорж называл в то время безумием мысль о том, чтобы уничтожить большевиков военной силой. Он говорил, что военный поход против большевиков сделал бы Англию большевистской, и в Лондоне образовался бы Совет Рабочих Депутатов. В начале 1919 г. все белые правительства, борющиеся в России, были даже приглашены Антантой на конференцию на Принцевы острова для переговоров об окончании гражданской войны. Белогвардейцы всех мастей сорвали тогда эти переговоры. Но после успехов мартовского наступления Колчака,

английские империалисты, во главе с военным министром Черчиллем, от пассивной политики вновь перешли к активности.

Однако империалистам мешали сговориться и действовать заодно противоречия их интересов. Белые воевали за «единую неделимую» Россию — лозунг, привлекавший всех империалистов, но особенно выгодный для Франции, которая имела в лице прежней России постоянного сильного союзника против Германии. Поэтому вера в победу белых не позволяла Франции признать независимость лимитрофов (окраинных пограничных государств), отделившихся от этой России, хотя она не брезговала их поддержкой. Но, с другой стороны, не признавать их тоже было невыгодно для Англии, так как их существование ослабляло силу Великой России, ее соперника в Азии, а Эстония, в частности, владела ключем к Балтийскому морю, островами Эзель и Даго. В таких запутанных противоречиях Антанта все время колебалась. С одной стороны, она поддержала диктатуру белогвардейского черносотенного генерала Юденича, назначенного Колчаком, а с другой стороны, заставила этого диктатора признать независимость Эстонии. Сама же Антанта не признала независимости лимитрофов официально за все время гражданской войны.

ПРИБАЛТИЙСКИЕ РЕСПУБЛИКИ

После ухода немецких войск, пришла Красная армия, и с ее помощью в Эстонии, Латвии и Литве образовались советские республики.

Правительство эстонской трудовой коммуны, признанное РСФСР 18 ноября 1918 г., очень скоро было уничтожено эстонской буржуазией при поддержке немецких войск, русских белогвардейцев, бежавших туда из Пскова, и финских белых отрядов.

Уже с 20 чисел января 1919 г. бело-эстонцы начинают вытеснять Красную армию, которая пришла с северо- и юго-востока в обход Чудского и Псковского озер, наступают по направлению к Нарве и Пскову и создают из Эстонии безопасную базу, где русские белогвардейцы отсиживаются до своего майского похода. Как мы уже видели, Эстония, владеющая Эзелем и Даго, и ближайшая соседка Петрограда, становится очень интересной для английских империалистов.

В Латвии, в ноябре, образовалось демократическое правительство в Риге, но 3 января его сменило Латвийское Советское правительство.

Среди красных войск, шедших в Латвию, была и особая Латвийская армия, составившаяся из латышских красных частей и отрядов, сражавшихся на всех фронтах республики и собранных для борьбы за советскую власть на своей родной земле. Эта армия получила самостоятельное существование 28 декабря. На нее легла вся тяжесть борьбы за Советскую Латвию. Но несмотря на то, что латышские стрелки в Красной армии славились как великолепные бойцы, латвийская армия оказалась слабой, без достаточной дисциплины, потому что в ней было принято

выборное комитетское начало, давно уже изжитое в Красной армии.

Красная армия в Латвии боролась на 2 фронта: и с бело-латышами, засевшими в Либаве, и с бело-эстонцами, вышедшими на ее правый фланг. В половине марта в дело вступились немцы. Немецкие войска фон-дер-Гольца свергли в Либаве демократическое правительство Ульманиса, которое в январе бежало от большевиков из Риги под защиту английского флота. Немцы поставили у власти белое правительство пастора Недра, вместе с ним пошли на большевиков и взяли обратно Ригу 23 мая, произведя кровавую расправу с рабочими.

Таким образом, Латвия стала полем действия немцев и русских белогвардейцев.

Литва же, в которой советская власть была признана РСФСР 22 декабря, связала свою судьбу с советской Белоруссией и в половине февраля объединилась с ней в Литовско-Белорусскую республику. Против нее грозным врагом стояла белая Польша, которая 19 апреля ворвалась в столицу Литвы—Вильно. Но эти события относятся уже к другому, западному фронту.

В Финляндии советская власть возникла гораздо раньше, еще в январе 1918 г., но финская буржуазия разгромила победивший пролетариат при помощи немцев, 20-ти тысячной экспедиции того же фон-дер Гольца, высадившейся в апреле и оккупировавшей Финляндию. Белый генерал Маннергейм жестоко расправился с революционным движением и финской красной гвардией, расстрелянной и перебитой за эти дни.

Образовавшиеся в Прибалтике буржуазные республики стремились к отделению от России, к независимости (хотя советская власть еще 3/16 ноября 1917 г. признала право всех народов на самоопределение), которая, конечно, на деле превращалась в

службу целям крупных империалистических сил за политическую и материальную поддержку. И действительно эти республики существовали благодаря поддержке Антанты. При ее помощи организовались и их военные силы. Эстонская армия к лету 1919 г. развернулась в три пехотных дивизии и дивизию бронепоездов; Латвия имела три дивизии, к октябрю 1919 г. достигших 21 400 штыков, 800 сабель, 60 орудий, 144 пулеметов; а Финляндия, с помощью Франции, сформировала три дивизии и к 1 октября имела 60 000 штыков, 4000 сабель, 552 пулемета и 108 орудий.

Таким образом вся гражданская война в Прибалтийских республиках представляет собой вынужденную поддержку белых, сражавшихся за «единую неделимую», от которой они не могли ждать ничего хорошего. Эстонский адмирал Питка, участвовавший вместе с Юденичем в осеннем наступлении, определенно считал, «что если бы силам Северо-западной белогвардейской армии удалось завладеть Петроградом и в ее руках очутился флот, то через несколько недель этот флот появился бы под андреевским (царским) флагом под Ревелем, чтобы вновь превратить последний из столицы эстонской республики в губернский город России». Скрытой, настоящей целью эстонцев являлась вовсе не поддержка Юденича, а захват Финского залива и судов Балтфлота. Однако, вовсе разорвать с белыми эстонцы тоже не могли и не хотели. Их связывали интересы экономические,— ведь через Балтийские порты, Ревель, Ригу, Либаву шел большой российский экспорт и импорт, шла торговля с заграницей, а она была в руках хозяев Петрограда. Таким образом, мы видим, что эстонцы белым помогали, но их помощь была слабой, саботажнической, и на другой день после поражения Юденича Эстония принялась добивать его армию, разоружая ее.

А, с другой стороны, Прибалтийские республики тщетно пытаются добиться признания своей независимости и от белых и от крупных держав, которые их ни во что не ставят и держат курс на победу белых. На требование Эстонии признать ее хотя де-факто, союзники ответили 28 мая, что не могут установить окончательного положения для Балтийских лимитрофов, «не согласовав этого вопроса с Россией», т. е. с Колчаком. Но 20 августа, когда им это понадобилось, союзники все-таки удостоили «временно» считать Эстонию, Литву и Латвию автономными государствами и даже заставили Юденича признать независимость Эстонии,—каким путем, мы увидим ниже.

С Финляндией, как более сильной страной, союзники считались больше и ее признавали. Финляндия экономически связана со скандинавскими странами и держалась более независимо по отношению к белым. Они сами добивались ее помощи, так как угроза Петрограду со стороны Финляндии имела бы решающее значение. Сам Колчак обращался к командующему финляндской армией Маннергейму 23 июня с призывом принять участие в «освобождении северной столицы». Но вместо открытого признания независимости Финляндии Колчак заявил только, что он «не допускает мысли о возможности в будущем каких-либо неразрешимых недоразумений между освобожденной Россией и финляндской нацией». Финские реакционеры, хотя и склонялись и даже очень были не прочь пойти на Петроград, но все-таки требовали гарантий. Гарантий они не получили. Даже когда Юденич самостоятельно решился на признание Финляндии и заключил с Маннергеймом соглашение, Колчак его не подтвердил. В результате Финляндия не выступила вместе с Юденичем по тем же причинам, как и Польша, которая не помогла Деникину на юге в самый критический момент. Кроме того,

возможность вооруженной интервенции осложнялась для финских белогвардейцев сильным сопротивлением финских и шведских рабочих, и это связывало им руки.

Только советское правительство безоговорочно признавало независимость лимитрофов. Предупреждая ход событий, мы в этой главе докончим историю их признания.

Антанта не позволяла Эстонии вступать в переговоры с советской республикой. По поводу начавшихся переговоров о мире, даже Колчак советовал британской миссии подействовать на эстонцев насилием — прекращением помощи им и подвоза снабжения и называл это способом более целесообразным, «нежели соревнование с большевиками в широте обещаний». Тем не менее все толкало Эстонию к этому выходу. 31 августа советское правительство предложило Эстонии заключить мир, и 14 сентября в Ревеле съехались министры иностранных дел Финляндии, Латвии, Литвы и Эстонии для решения этого вопроса: Эстония, Латвия и Литва согласились начать предварительные переговоры в Юрьеве 25 октября.

Одновременно в Риге собрался социалистический съезд из представителей демократических партий четырех прибалтийских государств, тоже потребовавший от своих правительств заключения мира с большевиками и обратившийся за содействием к рабочим всех стран. Также усилилось рабочее движение в Прибалтике. Ревельские рабочие отказывались разгружать пароходы с английским вооружением для Юденича, эстонские солдаты оскорбляли офицеров Северо-западной армии. Все это, конечно, давило на буржуазное правительство Эстонии, однако оно продолжало вести двойную игру и готово было одновременно итти с Юденичем, если бы только Колчак и союзники признали его. Когда Антанта сорвала мирные переговоры и бросила Юденича на Петроград, Лайдонер говорил, что если бы

Юденич внушал доверие эстонцам, они послали бы ему целую дивизию с артиллерией и спасли бы положение под Петроградом.

После разгрома Юденича мирные переговоры вновь открылись в Юрьеве 2 декабря. 31 декабря было подписано перемирие, а 2 февраля 1920 г. был заключен мирный договор с советской республикой. 30 января было заключено перемирие с Латвией, 12 июля мир с Литвой и 11 августа мир с Латвией.

И только после окончательного поражения Врангеля, разбившего все надежды на победу контр-революции в России, Антанта признала Латвию и Эстонию 26 января 1921 г., а Литву в декабре 1922 г.

БЕЛОГВАРДЕЙЩИНА В ПРИБАЛТИКЕ

Как же выросла та белая сила, которая боролась с большевиками при поддержке Антанты, выйдя из пределов враждебной Советской Республике Эстонии? По сравнению с армиями Деникина и Колчака на Южном и Восточном фронтах, белая армия на северо-западе была совершенно незначительна, и все наступление на Петроград явилось небольшим эпизодом. Мы увидим дальше, по каким причинам этот эпизод принял угрожающий характер.

Белая армия возникла, как нам уже известно, при помощи немцев. В октябре 1918 г. на заседаниях военной Русско-германской комиссии в Пскове были выработаны условия формирования и содержания добровольческой армии, которая была названа Северной. Из средств, обещанных немцами, Северный корпус успел получить немного — всего 5 миллионов марок, 8000 винтовок, из которых три четверти было негодных, 6 легких и 24 тяжелых орудия, также не вполне годных.

Во главе этой армии 12 октября был поставлен генерал Вандам, сотрудник старой черносотенной газеты «Новое Время», а с 19 ноября полковник Неф. В течение первой недели записалось больше 1500 добровольцев, в числе которых было 40% офицеров. Всего в эту армию набралось больше 2000 человек. Но немцы напрасно тратили свои деньги. Едва успев надеть погоны, русские офицеры начинали кутить и бездельничать, стремиться на штабные должности; армия явно не клеилась, набранные солдаты были плохо одеты, скудно накормлены; разнузданный, ободранный, невоинский вид солдат и офицеров явно выдавал, что Псковская армия не более как авантюра. Увеличивалась эта армия

и путем измены. В сентябре перешли к белым 4 парохода советской Чудской озерной флотилии со своим командующим Нелидовым.

В ноябре к белым перешел 3-й Петроградский кавалерийский полк под командованием Булака-Балаховича.

Бывший офицер Булак-Балахович командовал партизанским отрядом во время наступления немцев весной 1918 г. Пользуясь доверием красного командования, он сформировал конный полк в Луге, где был начальником гарнизона; хотя были некоторые подозрения в неблагонадежности Балаховича, но он своими действиями и дисциплиной своего полка вначале оправдывал доверие советской власти. Его полк получил даже красное знамя от Северной Коммуны, несмотря на то, что незадолго до этого командир дивизиона Пермыкин перешел к белым с частью отряда. А в ноябре бежал и Балахович со всем полком. Он повел своих красноармейцев под видом наступления на Псков, и там их обезоружили немцы.

Эти авантюристы пришли в город «тихонькие и скромненькие», но в псковской атмосфере почувствовали себя как рыба в воде и скоро заняли видное положение.

После того как Красная армия взяла Псков, белые бежали, и немцы перестали их поддерживать. Затем белая армия разделилась: часть ее, как мы знаем, ушла в Латвию и впоследствии влилась в армию Бермондта, попав снова под германскую руку, а другая часть отошла в Эстонию (Балахович, Пермыкин, Данилов) и поступила на содержание Эстонии. 6 декабря 1918 г. Северный корпус заключил договор с Эстонией и подчинился эстонскому главнокомандующему — генералу Лайдонеру на следующих условиях: его численность не должна превышать 3500 человек; он не вмешивается во внутренние эстонские дела; цель его союза с Эстонией — общая

борьба с большевиками и анархией в районе Псковской области. Взамен этого, Эстония обязалась давать ему довольствие, обмундирование и снаряжение взаимообразно за счет будущего русского правительства.

Во главе армии стоял полковник Дзерожинский, а фактически всем распоряжался полковник Родзянко, племянник бывшего председателя царской Государственной Думы.

Так, в мелких стычках с красными и в довольно жалких условиях существовала Северная армия до весны 1919 г. Эстония дала ей возможность продержаться до нового поворота в политике Антанты. Антанта сначала не обращала на нее должного внимания, до того, как во главе ее стал генерал Юденич.

Откуда же взялся Юденич? Он был ставленником правых кругов русской крупной буржуазии, бежавшей из советской России и осевшей в Гельсингфорсе. Здесь, в конце 1918 — начале 1919 гг. из представителей торгово-промышленных кругов образовался Особый комитет по делам русских в Финляндии. Во главе его стоял А. В. Карташев. Когда Юденич, б. командующий Кавказским фронтом, единственный генерал с крупным именем среди местного белого лагеря, приехал в Гельсингфорс в начале 1919 г., Комитет стал смотреть на него как на будущего главнокомандующего, оказывал ему всемерную поддержку, и занял в гельсингфорских банках 2 млн. рублей для содействия всем его начинаниям. Гельсингфорский комитет сам по себе немного стоил, но он был тесно связан (отчего и зависело его влияние) с парижским Политическим совещанием.

Политическое совещание образовалось в Париже во время гражданской войны из крупнейших политических эмигрантов, сторонников как монархии, так и правительства Керенского, бывших министров, дипломатов, послов, вождей правых политических

партий, представителей белых правительств. Так как за ним стояла вся русская буржуазно-помещичья контр-революция, ведшая войну с советской республикой, то оно пользовалось большим авторитетом среди буржуазии европейских стран, руководило внешней политикой белогвардейцев, защищало перед Англией и Францией интересы Колчака и Деникина и, благодаря старым связям с антантовскими министрами и дипломатами, многого добивалось. Внутри же советской России все эти правые группы были связаны с сильной подпольной контр-революционной организацией, «Национальным Центром», который подрывал советскую власть с тылу, устраивал заговоры и восстания.

От Политического же совещания шла и вся правая черносотенная политика гельсингфорского Комитета по национальному вопросу. Члены Комитета, конечно, не соглашались ни на какие демократические поблажки и «распродажу» России эстонцам и финнам за «чечевичную похлебку» военной помощи и все свои надежды возлагали на авторитет Колчака.

Без помощи Антанты Юденич обойтись не мог и еще в январе 1919 г. обращался за помощью к Колчаку, рассчитывая через него подействовать на Антанту. «С падением Германии, писал он, открылась возможность образования нового фронта для действия против большевиков, базируясь на Финляндию и Прибалтийские губернии. Около меня объединились все партии от кадетов и правее, программа тождественна с вашей. Представители торгового класса, находящиеся в Финляндии, обещали поддержку. Реальная сила... Северный корпус (3000) и 3000—4000 офицеров, находящихся в Финляндии и Скандинавии... Без помощи Антанты обойтись нельзя... Необходимо воздействие союзников на Финляндию, дабы она не препятствовала нашим начинаниям и вновь открыла границу для русских

беженцев, главным образом офицеров. То же в отношении Эстонии и Латвии. Необходима помощь вооружением, снаряжением, техническими средствами, финансами и продовольствием... Вооруженная сила не требуется, достаточно флота для обеспечения портов... Благоволите поддержать мое ходатайство перед Антантой».

В Лондоне один из его сторонников, Ю. Гессен, директор крупнейших пароходных обществ «Кавказ и Меркурий» и «Волга», пытался устроить у англичан заем для Юденича и даже нашел банк, который соглашался дать 200 000 фунтов с переводом кредита на Финляндию — однако дело это не вышло из-за равнодушия английского правительства. Но Юденич терпеливо ждал. Группировавшиеся вокруг него элементы оформились 24 мая в виде так называемого политического совещания, в качестве «зачаточного и временного» правительства Северно-Западной области, которой они еще не владели.

Из кого состояло это правительство?

Его возглавлял бывший известный либерал и противник смертной казни, проф. Кузьмин-Караваев. В эмиграции он поправел настолько, что считал излишним для будущего белого Петрограда даже городское самоуправление. Когда он заговаривал с кем-нибудь из приезжих русских о воссоздании России, — «вешать, расстреливать» были его любимые слова. Балаховича он величал героем. «Да, правда, любит сам вешать, любит, любит этак подвешивать, есть грех, но герой» — хихикал он. Другой деятель, проф. Карташев, бывший министр исповеданий Временного правительства, на вид святоша и мистик, завзятый политик — оказывался никуда негодным, когда приходилось делать практическую работу или организовать агитацию и пропаганду, которая находилась в его ведении. На фронте, во время его управления, распространялась погромная черносотенная газета «Белый Крест», ко-

торую издавал известный главарь союза Русского Народа — Марков второй. Одним из наиболее влиятельных членов совещания был крупнейший нефтепромышленник, С. Г. Лианозов, будущий председатель Сев.-зап. правительства. Он ведал финансовой частью. За его подписью были между прочим заказаны Юденичем бумажные деньги в Стокгольме — знаменитые «юденки» или «крылатки», на которых под крыльями царского двуглавого орла виднелись какие-то фигурки в коронах, как говорили, «б. царя и царицы».

Такой компании суждено было возглавлять политическую власть на северо-западе, после того, как Юденич сделался главнокомандующим.

ПЕРВЫЙ ПОХОД СЕВЕРНОЙ АРМИИ

В мае 1919 г. белая армия перешла в наступление. Первоначальные цели этого похода были ограничены. Нужно было захватить какой-нибудь кусок советской территории, чтобы освободиться от полной зависимости от Эстонии, потому что на эстонской земле приходилось воевать за самостоятельность Эстонии. Кроме того, нужно было поднять свою репутацию в глазах эстонцев, на счет которых армия существовала, так как эстонские военные не раз отвергали боеспособность русской армии, а эстонские газеты бесконечно расписывали русский корпус, как реакционно-баронскую, исключительно противо-эстонскую затею. Но самое главное было — привлечь своими успехами внимание английского империализма и тем самым получить от него материальную помощь. Сосредоточившись в районе Нарвы, Северный корпус получил приказ о переходе по всему фронту в наступление 13 мая. Подготовка к наступлению белых возбудила боевую активность эстонцев и финнов. Эстонская армия заняла Псков 25 мая, еще до прибытия туда белых, а финны в конце апреля выпустили на советскую Восточную Карелию Олонецкую добровольческую армию под командой Эльвенгрена, с целью присоединить к Финляндии богатый лесной край. Так как финские сторонники интервенции, во главе с ген. Маннергеймом, под давлением финского пролетариата, не решались выступить открыто, то армия Эльвенгрена прикрылась названием повстанческой, идя якобы на помощь угнетенной Карелии, призывавшей финских добровольцев.

Наступление белых сопровождалось большим успехом; они прорвали фронт 7-й армии в районе реки Плюссы, разбив бригаду, которой командовал бывш.

царский генерал А. П. Николаев. Захваченный в плен Николаев был повешен белыми, после многих издевательств, отказавшись изменить советской власти и перейти к ним на службу.

Очень быстро белые захватили, зайдя с тыла, Ямбург и Гдов. Отсюда часть войск двинулась на Гатчину и 20 мая дошла уже до ст. Кикерино в 8 *км* от Гатчины, левым флангом заходя на Копорье, к Финскому заливу. Другая часть Северного корпуса от Гдова пошла на Псков, под командой Балаховича. Эстонцы передали ему власть в городе.

Во время похода армия переформировалась. Дивизии, стоявшие в Нарвском районе, образовали первый корпус, а части Псковского направления, в том числе отряд Балаховича, сформировались во второй корпус. После этого 19 июня Северный корпус, до того считавшийся частью Северной армии, переименовался в Северную армию, а 1 июля в отличие от армии, действовавшей на Архангельском фронте — в Северо-западную армию. Во главе ее стоял Родзянко, вступивший в командование в начале похода в мае, но фактически командовавший ею и раньше.

Чем же объясняется такой успех белых? Сами они не ожидали, что окажутся так близко от Петрограда. Мысль о походе на Петроград казалась слишком фантастичной, так как малочисленная белая армия, в случае удачи, просто растаяла бы в городе. Но головокружительный успех майской операции окрылил белых, возбудил надежды и превратил этот поход в пробный маневр будущего осеннего похода.

В этот период военная обстановка вокруг Советской республики была угрожающей и все ухудшалась. Тогдашний главком Вацетис телеграфировал Ленину в Совет обороны 7 мая 1919 г., так описывая крайне серьезное положение на фронтах: «Война на юге РСФСР за последние дни принимает оборот неблагоприятный для нас... В Донской области мы не

можем нанести решительного удара, несмотря на то, что посылаем туда последние имеющиеся в нашем распоряжении свободные силы. На Южном фронте противник имеет уже преобладающий численный перевес над нами. Угроза Колчака Волге потребовала переброски туда всех наших резервов, благодаря чему мы достигли возможности остановить дальнейший успех его армии. В дальнейшем наш успех необходимо развить, что потребует введения в бой всех данных восточному фронту резервов. Выставленные Украиной весьма незначительные, сравнительно с численностью ее населения, силы разбросались по огромнейшему пространству западной половины нашего юга, и в стратегическом отношении Украина представляется более слабой, чем то кажется на первый взгляд. В настоящее время Украинскому фронту поставлена задача — продвижение через Буковину в сторону Будапешта, но эту задачу Украинский фронт решить не может». Украинский фронт не только не мог помочь Советской Республике в Венгрии, но в тылу его уже подстерегало бандитско-кулацкое восстание атамана Григорьева. «Петлюра висит угрозой Киеву с северо-запада, что в связи с мятежом северо-восточнее Киева ставит последний под прямую угрозу. Западный фронт представляет в настоящее время для нас весьма большую угрозу, в виду того, что формирования местных национальных советских правительств Латвии и Белоруссии оказались никуда негодными... и придется снять резервы с какого-нибудь фронта, менее угрожаемого». С запада наступали белополяки, уже взявшие Вильну.

В такое время, конечно, выступление со стороны Эстонии не могло не быть успешным. На западном фронте, растянутом на протяжении около 1500 *км*, не было свободных сил, чтобы заткнуть этот прорыв.

Кроме внешних условий, внутреннее состояние 7-й армии на этом фронте было очень тревожным

и неустойчивым. Во-первых, местность, где она находилась — Нарвский и Псковский районы, в связи с очень скверным продовольственным положением, легко поддавалась контр-революционной агитации кулачества. В Петроградской губернии настроение крестьянства также было неустойчивым и иногда выливалось в открытые восстания в Ямбургском и Гдовском уездах. В Псковской губерии особенно сильны были крестьянские волнения и процветало дезертирство. Дезертирские банды начинали даже нападать на волостные исполкомы и военкомы, портить жел. дорогу и т. д. В связи с весенним оживлением белогвардейцев и белоэстонцев, поползли слухи, что скоро придут «избавители». Такие настроения отражали колебания крестьянства, под влиянием голода, продразверстки, гражданской войны поддававшегося влиянию кулачества. В Красной армии это выливалось в дезертирство и переход на сторону белых.

Политработа в армии была тогда поставлена слабо. Партийцев в армии была ничтожная прослойка. Комиссаров не хватало. Не могло быть достаточного контроля над комсоставом, который в большинстве состоял из старых офицеров. В то время Красная армия еще не успела подготовить своих опытных красных командиров. Переходы красных частей к белым и происходили большей частью под влиянием измен старого комсостава, пользовавшегося слабостью Красной армии. Так, падение Пскова совершилось благодаря тому, что разбежался неблагонадежный полк, прибывший на пополнение, в котором половина комсостава оказалась изменниками. Начался массовый переход к белым разложившихся резервов. Интересен случай перехода 3-го пехотного полка 2-й Петроградской бригады особого назначения.

Эта история, связанная с героической гибелью ко-

миссара бригады, А. С. Ракова, переносит нас в обстановку тревожных фронтовых дней под Петроградом. Политработник, преданный революции, самоотверженно борется за влияние среди колеблющейся красноармейской массы, а в это время его подстерегает хладнокровно-рассчитанная гибель от рук притаившихся предателей.

Третий полк был сначала полком внутренней охраны Спасского района. Он был сформирован в 1918 г. из остатков лейб-гвардии Семеновского полка и охранял канцлагеря. Для всех, кто не хотел итти на фронт, было выгодно устроиться в полках внутренней охраны. Все сынки Спасской буржуазии, домовладельцев, торговцев и т. д., бывш. кадровые офицеры, поустроились красноармейцами в этом полку. В нем не было ни одного коммуниста. Командиром тоже был беспартийный. Белогвардейское ядро полка заставило обратить на него внимание. Перед влитием этого полка в бригаду, в нем были арестованы 85 человек, но белогвардейское гнездо не было разгромлено до конца.

При второй чистке постановили полк расформировать и многих арестовать, но это почему-то не было сделано. Белогвардейское ядро ушло в подполье. Весь полк, от нижних чинов до командного состава, был враждебно настроен к советской власти, и проверка подлила масла в огонь. В составе этого полка были преимущественно бывшие фронтовики. Мозги солдат были обработаны в определенном направлении. Этот полк был хорошо вооружен, обмундирован и обучен, дисциплина в нем держалась строгая.

Однако при всех этих достоинствах полк был никуда не годен. Комиссару бригады Ракову приходилось обращать на этот полк особое внимание. Он устраивал в нем частые собрания, чтобы разбить белогвардейское влияние на солдат. Возвращаясь из полка, Раков говорил товарищам: «Будет у меня

дело с третьим полком, его нельзя отправить на фронт».

Его все-таки послали на фронт, а скоро и Раков отправился туда же комиссаром боевого участка. 28 мая третий пехотный полк пришел в дер. Выра, в шести верстах от ст. Сиверская. Под видом разведки помощник командира коммунист Зайцев и командир батальона Самсониевский ушли разыскивать белых. Утром два батальона пошли в наступление, третий же батальон и штаб полка оставались в деревне. Вдруг спящие солдаты были разбужены стуком в окна. Оказалось, что деревня уже занята белыми. Ими командовал Зайцев, переодевшийся в кожаную тужурку с золотыми погонами. Весь командный состав был уже в погонах. Офицеры захваченного врасплох батальона выбегали на улицу и радостно приветствовали белых офицеров. Полусонных красноармейцев легко разоружили. Затем стали искать коммунистов. Убили командира полка Таврина, над трупом издевались, раздели его, кололи штыками, отрезали ухо и вырезали язык. Потом нашли комиссара полка Купше, вывели на улицу, раздели до гола и растреляли. Самсониевский вынул из кармана партийный билет, разорвал его и, надев золотые погоны, сказал: «Ну наконец-то мы разделались с этой сволочью». Потом бросились в штаб за Раковым, но были встречены оттуда пулеметным огнем. Он один в штабе ожесточенно отстреливался под градом двух пулеметов белых и целого дождя гранат.

Расстреляв все пулеметные ленты, Раков застрелился.[1] Когда расправа окончилась, батальон был

[1] 8 июля 1919 г. гробы с телами погибших в Выре А. С. Ракова, Таврина, Купше и других и погибшего в то же время под станцией Преображенская (ныне Толмачево) Варш. ж. д. Ник. Толмачева были похоронены с революционными почестями в братских могилах на поле Жертв Революции.

выстроен развернутым строем и под звуки царского Семеновского марша стал проходить церемониальным маршем перед своим новым командиром Зайцевым. Все эти картины так подействовали на красноармейцев, что в первую же ночь оттуда бежало до 40 человек, и дальше они продолжали возвращаться из плена, и просили их направить в свою бригаду.

Сильный удар нанесла красному фронту измена форта Красная Горка при приближении белых к Копорью, как раз там, откуда предполагалось нанести им сильный фланговый удар. Здесь среди комсостава было много бывших офицеров, создавших заговорщическое ядро и связанных с петроградской белогвардейской группой «Национального центра». Они рассчитывали также на поддержку некоторой части матросов-эсэров. Совершенно неожиданно, когда белые очень близко (на 7—8 *км*) подошли к Красной Горке (благодаря переходу трех полков, охранявших подступы к форту), заговорщики выступили. Коллектив форта был слабый, из молодых неопытных работников. Хотя он подозревал какую-то контрреволюционную авантюру и вечером 12 июня постановил арестовать коменданта форта, б. офицера Неклюдова, но не успел этого сделать. Ночью, 13 июня Неклюдов явился в пулеметную команду и объявил, что форт окружен белыми, которые предлагают сдаться. Пулеметчики, специально подобранные в эту команду, согласились сдать форт. Тогда он приказал им арестовать всех коммунистов и разоружить только что прибывший коммунистический отряд, расположенный на ночь по квартирам, под тем предлогом, что коммунисты будут против сдачи форта. Через час-два все коммунисты были посажены в каземат. Неклюдов послал радиотелеграмму финнам о том, что Красная Горка предоставляет себя в их распоряжение, а также отправил ультиматум Кронштадтскому совету о немедленной сдаче крепости в

15 минут под угрозой артиллерийского обстрела. Не получив ответа на ультиматум, Красная Горка обстреляла Кронштадт из тяжелых орудий. В ответ на это суда Балтфлота, «Петропавловск» и «Андрей Первозванный», в свою очередь начали обстрел Красной Горки 12- дюймовыми орудиями, всю ее изрыв снарядами. Одновременно Красную Горку с суши атаковали отряды моряков и коммунистов. 15 июня ночью восстание было подавлено. Мятежники бежали и по дороге расстреляли почти всех захваченных ими коммунистов и беспартийных.

Очень суровую оценку всем этим явлениям и отрицательным сторонам в состоянии тогдашней Красной армии дал командующий Западным фронтом. Он говорит о недисциплинированности и неорганизованности войсковых частей, халатном и преступном отношении к своему делу командного и комиссарского состава, очень слабой работе штабов, очень слабой культурно-политической работе среди красноармейцев, слабом наблюдении за вредными элементами и слабом преследовании их. Распущенность, грабежи, самочинные преступные выходки, частые насилия по отношению к гражданскому населению, неорганизованность хозяйственной части и отдела снабжения, начиная с полка и кончая фронтом, бюрократизм и безответственность в их работе, небрежная охрана народного имущества — все это, конечно, было признаками слабости Красной армии.

То было время, когда молодая Красная армия находилась в переходном и очень трудном и болезненном периоде организации в огне и буре гражданской войны. Вся тяжесть ее создания ложилась исключительно на плечи партийцев и рабочих, составлявших ее мозг, ее сердце и ее костяк.

Таким образом, мы видим, что авантюристическое наступление белых сопровождалось успехом, благодаря слабости Красной армии на этом фронте. Однако

силы самих белых были не лучше. Внутреннего состояния белой армии мы коснемся дальше, а если судить по наружному виду, то за исключением двух-трех отборных частей, она была в совершенно плачевном состоянии. Масса солдат на фронте и в тылу была необута, неодета, без самого необходимого белья и без мыла, попадались и голые в полном смысле этого слова и такие, на которых были накинуты дамские фуфайки и передники вместо штанов; продовольствие солдаты получали в очень ограниченном размере мукой, салом или свининой от американской комиссии помощи, и в этой области царила полная вакханалия.

Как бы то ни было, своей цели эта армия добилась. Колчак обратил на нее внимание, взял ее под свое высокое покровительство и назначил ей командующего — Юденича. 14 июня Юденич получил телеграмму Колчака (от 5 июня) о назначении его «главнокомандующим всеми Российскими вооруженными и морскими силами, действующими против большевиков в Прибалтике». Так Юденич, который до сих пор ни в чем не участвовал и сидел в Гельсингфорсе, стал прибалтийским диктатором. Переворот этот был, так сказать, домашний и совершился легко. Юденичу не пришлось никого свергать. Ему пришлось испытать лишь некоторое сопротивление со стороны руководителей армии, главным образом, Родзянко. Родзянко хотел избавиться от нового начальства по личным мотивам, считая себя отцом и создателем армии. Впрочем и другие охотно сделали бы это, будь у них деньги для содержания армии. Однако все покорно подчинились, прекрасно учитывая, что за спиной Юденича стоит то, чего ждали: деньги от Колчака, материальная и «моральная» помощь от англичан и американцев и вероятный нажим Антанты на Эстонию и Финляндию.

Но Юденич, впрочем, не торопился действовать.

Он переехал из Гельсингфорса в Нарву и приехал на фронт только в конце июня, тогда, когда появились слухи, что скоро прибывает вооружение и снаряжение от Антанты.

Юденич был типичный солдафон, фельдфебель в генеральском мундире. Он представлял собой яркий образчик той высшей военщины, политические и общественные симпатии которой не выходили за пределы чинопочитания и верности престолу. Он был нерассуждающим карательным орудием в руках царизма, и в этой тупой жестокости коренилась кровавая слава, окружавшая его имя.

— Я признаю только одни политические убеждения: чик, — и готово! — говорил он, красноречиво проводя рукой по шее.

О Юдениче заговорили впервые в 1905—1906 гг., когда его имя было связано со зверскими карательными экспедициями, залившие кровью армянские округа Кавказа, где собственно и началась его военная карьера. Система татарских и армянских погромов, нашедшая в лице Юденича своего особенно рьяного защитника, упрочила за ним славу одного из лучших проводников руссификаторской политики самодержавия на Кавказе. Черносотенная и погромная печать всегда противопоставляла «твердого Юденича» либеральничавшему и игравшему в оппозицию самодержавию наместнику на Кавказе графу Воронцову-Дашкову.

Когда во время войны Юденич становится в 1915 г. главнокомандующим Кавказской армией, он повторяет в «дополненном издании» свои административные методы 1906 г. Одним из первых его мероприятий на посту главнокомандующего была организация резни в пограничной полосе Батумской области. Это было в начале 1916 г., когда, под предлогом борьбы с турецким шпионажем, он сжег и вырезал десятки аджарских селений. Эта страшная резня продолжа-

лась несколько дней, и очень немногим аджарцам удалось избежать кровавой расправы. Все земли, принадлежащие местному населению, были конфискованы. Началась бешеная спекуляция аджарской землей, богатой садами и расположенной в живописных приморских районах. Петербургская знать и столбовое дворянство за бесценок скупали эти земельные участки, отнятые у зверски замученной аджарской бедноты.

Вслед за Аджарией Юденич принялся за Армению. Считая армян как и все национальные меньшинства, «врагами престола», он приказал расстреливать всех заподозренных в симпатиях к партии армянских националистов Дашнакцутюн. Были расстреляны поэтому сотни офицеров и солдат Эриванского полка, у которых были найдены воззвания и листовки дашнаков. Надо иметь в виду, что Дашнакцутюн была сугубо оборонческая буржуазная партия, призывавшая армян бороться в войсках русского самодержавия против «турецкого ига». Она требовала лишь предоставления очень куцых прав в области национальной армянской культуры, откладывая возможность осуществления больших реформ до конца войны.

Юденич очень широко практиковал метод переброски беженцев-армян, спасавшихся от турецких башибузуков на русскую территорию. Он не позволял им оседать вблизи городов и железных дорог, а направлял всю громадную беженскую волну в горы, где тысячи людей гибли от холода и голода.

Это было не головотяпство, а вполне обдуманное мероприятие, рассчитанное на массовое «бескровное» истребление армян. О зверствах Юденича заговорила печать союзников, сначала скрывавшая ужасы юденических «подвигов». В Государственную думу так называемый «прогрессивный блок» внес запрос о резне в Армении и Аджаристане. Выяснилось также, что командиры частей, входивших в состав армии Юде-

нича, с разрешения главнокомандующего, покупали у курдов награбленное у армян имущество. Таким образом «патриот» Юденич поощрял курдские полки турецкой армии к грабежу и убийствам мирного населения русской Армении.

И вот когда вопрос шел о выборе главнокомандующего для противобольшевистской армии на северо-западе империалисты остановились на этой фигуре. Они знали Юденича не только как «героя Эрзерума», авторитетного среди царского офицерства, но им была известна его ненависть к советской власти, а его прошлое свидетельствовало о том, что новый диктатор сумеет затопить в крови первый город пролетарской революции.

По внешности Юденич был коренастый хохол среднего роста, с длинными густыми усами вниз. Широкие золотые погоны и офицерские георгии постоянно украшали его военную тужурку. «Глубоко провинциальный генерал, чистый техник, никакого государственного кругозора; слабое общее образование, людей знает мало, не доверяет им, думает, делает свои выводы, которые изменить трудно» — вспоминает о нем один из белых деятелей. Член политического совещания Карташев характеризовал его одним словом «кирпич». Все называют его ограниченным, вялым, пассивным человеком, упрямым, скрывающим ограниченность ума и упрямство воли под маской молчальника. Карташев, столько способствовавший его возвеличению и рекомендовавший его Колчаку, впоследствии раскаивался в этом. «Честный и безукоризненный службист Юденич, писал он, не способен был справиться с выпавшей ему политической задачей. Он совершенно чужд своей армии, неизвестен ей и непопулярен; он не живой человек, а только кабинетный бюрократ.» Нерешительность и безвластие его поддерживали разложение армии; его окружали преступники, казнократы и карьеристы,

потому что он оставлял безнаказанными множество преступлений командного состава. Впрочем, эта была обычная картина во всех белых армиях.

В начале июня началось контр-наступление Красной армии на фронте Петергоф — Красное Село — Гатчино, скоро впрочем приостановившееся из-за восстания на Красной Горке. Массовый отход советских частей закончился. Началось их сопротивление. Тут, конечно, огромную роль сыграл боевой подъем Петрограда, готовившегося к защите и приславшего отряды профсоюзов и коммунистов. За одну неделю с 8 по 14 июня, в момент серьезных боев, в 7-ю армию влилось 190 политработников — членов Московского совета и различных губкомов; а политическое управление Реввоенсовета республики послало на этот фронт с марта по июль 328 партийцев. Подробно об этой помощи тыла мы будем говорить в главе об обороне Петрограда.

В двадцатых числах июля северная группа 7-й армии повела наступление на Ямбург и 5 августа взяла его. При почти двойном превосходстве сил красных, Ямбург был взят с большими потерями. Это показывает, какой «большой крови» стоила защита Петрограда тогдашними слабыми частями Красной армии. При отходе от Ямбурга эстонские войска, охраняя путь на Нарву, взорвали Ямбургский мост. Южная группа 7-й армии наступала на Псков, но неудачно. Наконец, 15 августа двинулась на Псков 15-я армия и 26 взяла его. В это время эстонцы всячески ослабляли белую армию, задерживали выдачу снарядов и патронов и поддерживали сепаратные стремления Балаховича, пользовавшегося у них популярностью. Балахович стремился выйти из подчинения командованию Сев.-зап. армии и образовать самостоятельную Псковскую республику. Юденич решил разрубить сложный узел, послав экспедицию Пермыкина с крупными силами, снятыми с фронта, для

того, чтобы сместить и наказать Балаховича. Балахович ушел к эстонцам, а Псков был сдан красным через несколько дней. В результате белые отошли в Гдовский район, а Красная армия встретилась непосредственно с эстонцами, части которых уже не хотели драться, под влиянием советских эстонских частей. Эстонское командование должно было уже думать, как сохранить свою армию. Перед эстонцами возникал вопрос о мире.

ПОД ВЛАСТЬЮ БЕЛЫХ

Теперь познакомимся с внутренней политикой белых в завоеванных ими местностях, там, где они могли, наконец, самостоятельно распоряжаться. Это окончательно уяснит нам их классовое лицо.

После занятия советской территории у белых было два района хозяйничания: в Ямбурге — Гдове властвовал Родзянко с Хомутовым, в Пскове — Булак-Балахович. У них шла междуусобная вражда.

Родзянко — подвижной энергичный человек, храбрый офицер, довольно популярный среди своей армии, по настроению своему был типичный черносотенец. Он не хотел подчиняться Юденичу, как мы видели, по личным мотивам, считая, что он по праву возглавляет армию. Но против атмосферы, окружавшей Юденича, против «идеологии» и настроений политического совещания он ничего не имел. В его армии вел свою пропаганду против «жидов и коммунистов» и Марков второй, хотя Родзянко вообще никакой агитации не терпел и собирался вешать белых агитаторов, проникающих на фронт. В политике он мало понимал: сегодня он мог подписать листовку об Учредительном Собрании, а завтра приезжал отрезать свою подпись с напечатанной бумажки. Он стремился, как мы увидим из его приказов, лишь подчинить население военщине да восстановить бывших помещиков.

Булак-Балахович же именовал себя «батькой» и «атаманом крестьянских и партизанских отрядов». Первую роль в гражданском управлении у него играл некий Н. Н. Иванов, ловкий петроградский присяжный поверенный, разыгрывавший демократа, выпускавший листовки, в которых было обещано, что «крестьянин будет первым хозяином земли и на по

четном месте», а «рабочие будут получать жалованье от государства». Конечно, по существу здесь демократией не пахло, и все дело было в подлаживании к «батьке» и стремлении к популярности. Иванов уничтожил выборную городскую управу и обложил большой контрибуцией псковских евреев. «Народный герой» Балахович не стеснялся вешать людей на улицах Пскова, «Я воюю с большевиками не за царскую, не за помещичью Россию, а за новое Учредительное Собрание», разглагольствовал Балахович на митинге по взятии города. «Я предоставляю обществу свободно решить, кого из арестованных освободить и кого покарать. Всех, за кого вы поручитесь, я отпускаю на свободу. Коммунистов же и убийц повешу до единого человека». На следующий день Псков впервые увидел высоко на фонаре труп полураздетого мужчины. В тот же день висело еще четыре трупа, около здания Банка, тоже на фонарях, в линию по тротуару. Все казни производились всегда днем, в первый месяц неизменно в центре города, иной раз на фонаре вешали троих зараз.

Позже по протесту союзников казни были перенесены за старинную Псковскую стену на сенной рынок. Там была устроена постоянная виселица, с двумя крюками и боковыми стремянками к перекладине. Каждый обреченный должен был сначала влезть по стремянке наверх, а затем, надев петлю на шею, броситься в пространство. Вешали, конечно, не коммунистов, их Балаховичу не удавалось поймать, а больше всего пленных красноармейцев, а потом и крестьян, главным образом, бедноту, которая не могла откупиться. Имевшие деньги откупались, и это служило для Балаховской контр-разведки средством наживы.

Кого представляла реакционная свора в роде Родзянки — понятно. Помещиков, фабрикантов, крупных чиновников, бюрократов, крупных военных, развен-

чанных, выброшенных с насиженных мест, лишенных имущества революцией, имевших лишь одну мечту: «вернуть!» Но была у них и своя оппозиция, своя мелкобуржуазная демократия, городская интеллигенция, земцы, статистики, адвокаты, журналисты и просто обыватели. Помещикам они не сочувствовали, черносотенцами не были, но также ненавидели большевиков, оторвавших их от прежней сытой жизни. В России за ними стояли кулаки, лавочники, мещане, а здесь на белом фронте царила военщина, здесь они никого не представляли, висели в воздухе и поэтому никакой силы у них не было. Если они и появлялись на политической сцене, то всегда их выталкивала вперед чужая рука, и положение их было жалким и смешным. Так создалось руками Антанты северо-западное «демократическое» правительство.

Реакционная политика ярко отразилась в приказе Родзянко № 14 о том, кому принадлежит гражданская власть на местах. Главной властью по этому приказу является уездный комендант. Власть его универсальна и безгранична. Нет ничего, что бы не входило в его права. Он может совершать всякого рода реквизиции, конфискации имущества граждан, производить обыски и аресты; он назначает всех членов городского и земского управления; он надзирает за прокурором, он окончательно утверждает приговоры военно-полевых судов, он же ведает организацией духовно-просветительной борьбы с большевиками и их идеями. Таким образом, полнейший произвол и насилие были узаконены и введены в систему, и все общество лишено всяких прав и отдано на эксплоатацию белым чиновникам. Военно-полевые суды превратились в единственные суды.

Но всего характернее выразилась реакция, как и во всех других районах, занятых белыми, в восстановлении помещичьего строя. Два приказа Родзянко № 12 и 13, изданные в средине июня, восстановили

помещичью собственность на землю и на движимый инвентарь. Нужно сказать, что Псковская губерния в 1917 г. была первой в области по развитию аграрного движения, захвату земель, леса и т. д. Все земли, покосы, живой и мертвый инвентарь уже давным давно, с октябрьской революции, были в руках крестьян и органов советской власти. Хотя помещичьего землевладения больше не существовало, но помещики в надежде на лучшее будущее зачастую пристраивались тут же, советскими чиновниками в своих же имениях, или членами коммун, образованных в имениях. Крупные имения пошли под совхозы, артели и коммуны бедняков и батраков, и вообще землею прежде всего была наделена беднота. Поэтому большинство средних крестьян не получило прибавки земли, а только переделило свою же прежнюю землю поровну и многие зарились на землю совхозов. Помещичьими выгонами и покосами пользовались крестьяне. Также были поделены и много раз перераспределены сельскохозяйственные машины, скот и прочий инвентарь.

Некоторые ошибки, допущенные советскою властью в деревне, сделали то, что сначала крестьяне, сагитированные кулачеством, встретили белых с радостью, как избавителей. Однако, их тревожил страх за захваченную от помещиков землю, и они жадно ловили каждый слух о земельной политике белых. И вот они получили приказ № 13, который совершенно прямо заявлял, что на место прежних органов советской власти становится прежний крупный собственник, которому нужно возвратить усадьбу, огород, покосы, а за землю — ее возвратить было нельзя, она была засеяна, — крестьяне должны выплачивать аренду. Самим крестьянам запретили переделы и признали недействительными уже произведенные переделы, т. е. их загоняли в рамки дореволюционных наделов. Ретивые помещики стали выселять

батраков и малоземельных крестьян из своих имений, и все без исключения потребовали аренду, иногда даже за прошедшие годы революции. На деревню посыпались допросы, дознания, аресты, с вызовом за десятки верст, обиванием порогов, обвинением в сочувствии коммунистам, что приводило иногда к смертной казни.

Приказ № 12 объявлял, что «всем лицам, захватившим самовольно и незаконно или получившим от большевистских коммунистических властей чужое движимое имущество, вменяется в обязанность в течение десяти дней со дня опубликования сего постановления вернуть таковое имущество собственникам или владельцам». А за этим стояла опять-таки угроза военным судом и полная возможность сведения личных счетов, мести, наживы и т. д. Результаты не замедлили сказаться. Началось разбирательство сотен дел о возврате самовольно захваченных вещей, при чем непременно указывалось на сочувствие захватчиков коммунистам. Первыми, конечно, воспользовались бывшие помещики. Таким образом, деревня оказалась в тисках прежних хозяев.

Кроме того, белые, не стесняясь, эксплоатировали мужиков, злоупотребляя раззорительной подводной повинностью, под видом казенной повинности гоняли крестьянских лошадей по частным делам, отбирали хороших лошадей и оставляли плохих казенных, не платили за продукты и т. п. Крестьяне вполне могли оценить избавителей и вспомнить о красных. И когда в июле пришли красные, то те же волости Ямбургского и Гдовского уу., где в мае были антисоветские восстания, где дезертиры ловили и избивали красноармейцев, встречали красноармейцев со слезами радости. При вторичном отступлении красных с ними уходили сотни крестьян, которые раньше с молитвой ждали белых, а теперь от ужаса перед ними бросали на произвол судьбы и хозяйство и семьи.

В самой белой армии царила вакханалия. Не было никакого порядка. Интенданство грабило не стесняясь. Считалось, что оно выдавало 106 тыс. пайков, из них около 10 тыс. на разные учреждения в Нарве, остальные 96 тыс. армейским частям, в то время как в армии всего было не более, как 20—25 тыс. едоков. В штабе армии числилось 552 человека. По словам Юденича, в сентябре армия исчислялась в 27 тысяч бойцов, а разные снабженческие учреждения исчисляли ее от 56 до 100 тыс. Общая сумма ассигновок на военное дело колебалась ежемесячно от 30—35 миллионов. Отчетности не было никакой. Когда в штаб к Пермыкину явился полевой контролер, то Пермыкин показал ему револьвер и сказал, что эта штука может выстрелить.

Снабжение даже тем, что имелось, было поставлено из рук вон плохо. «Стало почти нормой, что в одну фронтовую часть поступают солдатские брюки, а в другую френчи, тогда как вся солдатская масса была полуголой. Местные интенданты ждут соответствующей «пары» и солдатам ничего не выдают. В первую очередь обмундировываются тыловые части в Нарве. Ревель кишит толпами блестящих, щегольски одетых гвардейских офицеров, заполняющих все гостиницы, рестораны, увеселительные места». На фронте мрут от голода, а главный интендант Янов, близкий приятель Юденича, ничего не делает для армии, а только спекулирует. Царит чинопомешательство. При 20-тысячной армии на фронте было 29 генералов, а всего вообще в армии 53 генерала. Полковники и генералы появлялись как грибы после дождя. Рядовые офицеры при виде этой генераломании, при отсутствии серьезных военных действий, оправдывавших повышения, заражались злобой, завистью, стремились к наградам, повышениям, и, в конце концов, воевали для наживы.

АНТАНТА ГОТОВИТ НАСТУПЛЕНИЕ НА ПЕТРОГРАД

Северо-западная армия заслужила поддержку Антанты. Но к этому времени произошел поворот в отношениях с эстонцами, которые требовали безоговорочного признания их самостоятельности и лишь в этом случае соглашались дальше поддерживать Юденича. С другой стороны, обнаружилась возможность успеха удара на Петроград. На фронте же царил полный ералаш. Все это заставило Антанту принять экстренные меры. К тому же, мы видели, что в эстонской армии уже начиналось революционное брожение, вызванное общением с красной эстонской бригадой и при уходе из Пскова эстонские солдаты уже пели революционные песни.

Нужно было создать единый фронт воюющих сил — белых, эстонцев и финнов. По всем этим соображениям Антанта произвела переворот 11 августа и создала «демократическое» Северо-западное правительство, в которое Юденич вошел военным министром; единственной политической целью этого правительства было признание Эстонии. Интересно вспомнить, что на востоке военный министр Колчак проглотил с помощью Англии демократическую Директорию; здесь же видим обратную картину: необходимость военного союза враждующих сил при обострении национального вопроса заставляет Антанту прикрыть непримиримую реакцию демократической ширмой. Но как это было сделано! Всем дали по шапке. Генерал Марш принудительно создает правительство, а генерал Гоф одновременно делает внушение Юденичу относительно Эстонии и также бесцеремонно напоминает эстонскому правительству о необходимости

поддержать Юдевича под угрозой лишения английской помощи.

10 августа в Ревеле генерал Марш пригласил некоторых членов политического совещания и общественных деятелей в помещение английского консульства. Здесь были уже представители американской и французской миссий и сотрудник английской правительственной газеты «Таймс». Генерал Марш обратился к созванным им русским с речью на русском языке. Положение Северо-западной армии катастрофическое. Без совместных действий с эстонцами продолжать операцию на Петроград невозможно. Нужно признать Эстонию. Но у русских нет организованной авторитетной власти, с которой эстонцы могут сговориться. Русские сами между собой сговориться не могут. Русские только говорят и спорят. «Я вас пригласил, сказал генерал Марш, как самых выдающихся людей, собранных без различия партий и политических воззрений». И он предложил этому случайному сборищу немедленно, не выходя из комнаты, образовать демократическое русское правительство, которое сегодня же должно заключить мир с Эстонией.

Для этого Марш дал сроку 40 минут — до 7 часов, прибавив в заключение, что если к 7 час. правительство не будет образовано, то «мы вас будем бросать». Затем он передал текст соглашения с эстонцами и список министров и удалился с представителями миссий. Собравшиеся приняли такой образ действия без всякого протеста. В числе приглашенных и в списке Марша, не очень-то разбиравшегося в лицах, был также и соратник Балаховича, Иванов, очень компрометировавший своим авантюризмом других «порядочных» демократов. (Марш опасался, что Балахович в Пскове взбунтуется против правительства). Тем не менее спорить и не соглашаться никто и не думал. Правые объясняют, что об от-

казе исполнить требование ген. Марша не могло быть и речи; слишком ясно рисовались неустранимые последствия его угрозы: «гибель надежды освободить Петроград как раз в тот момент, когда только что прибыли из Англии два парохода с танками, снарядами, ружьями и пушками, с сапогами и обмундированием на 10 000 человек [в действительности эти пароходы пришли гораздо позже] — и полный развал необутой, неодетой и не получавшей два месяца жалования армии». Левые тоже находили оправдание для необыкновенного поведения Марша: «На фронте ералаш, Балахович бунтует, политическое совещание бессильно и реакционно, бурлят общественные круги, бурлят и грозят эстонцы, а выход один — «переворот» — комбинация, требующая сама по себе некоторой взвинченности нервов и быстрых и не всегда ловких шагов».

Ответ ген. Маршу был готов еще раньше 7 часов. Согласились образовать правительственную власть, но персональное составление списка министров просили отложить до вечера 11 августа. Маршу потребовались три лица для подписания соглашения с эстонцами, которые должны были приехать в 7 часов. Однако прибывшие представители эстонского правительства не имели полномочий, и подписание соглашения было отложено тоже до 11 августа.

11 августа ген. Марш, не открывая заседания, пригласил всех иностранцев в соседнюю комнату, вызвал туда Лианозова и потребовал от него подписать полуграмотную бумагу с признанием независимости Эстонии и с признанием ген. Юденича главнокомандующим Сев.-западной армией. Марш хотел, чтобы эту бумагу подписали поодиночке все присутствующие, так как если предоставить им решать вопрос вместе, то русские ни до чего не договорятся, а в отдельности каждый подпишет. В числе подписей была приготовлена и подпись главнокомандующего.

Юденич еще не успел приехать в Ревель. На вопрос о его согласии, Марш заметил, что на случай, если Юденич не подпишет, у них готов другой главнокомандующий. Поспорив, все-таки заявление подписали. Затем ген. Марш поздравил новое правительство и заявил в утешение демократам: если ген. Юденич неприемлем левой части правительства, то он завтра же будет заменен другим генералом.

18 августа правительство сложилось окончательно. Во главе его стоял уже известный нам Лианозов, б. член политического совещания, нефтепромышленник, «беспартийный прогрессист»; он был также министром финансов и иностранных дел. Правых было двое: военный министр Юденич и морской министр Пилкин. Два правых эсэра, в том числе министр земледелия Богданов, и один с.-д. плехановец Горн, государственный контролер. Два радикальных демократа — Маргулиес, министр торговли, снабжения и народного здравия, и Филиппео; остальные из 12-ти были левые кадеты, беспартийные социалисты и т. д. Иванова в конце концов устранили.

Таким образом по сравнению с прежним составом политического совещания, правительство сильно полевело и приняло буржуазно-демократический характер. Но могло ли такое правительство что-либо изменить, чего-нибудь добиться? Оно было совершенно бессильно, в полной зависимости от всех и каждого. Родзянко особым приказом не пускал его на фронт. Колчак не признал его вовсе. На сообщение, посланное ему об образовании нового правительства, Колчак 28 августа телеграфировал Юденичу, что считает его попрежнему единственным представителем военной и гражданской власти, и перевел 260 млн рублей (в переводе на английскую валюту 800 000 фунтов) исключительно в распоряжение Юденича. Юденич сам считался с этим правительством только первые недели, а потом и вовсе перестал приезжать на за-

седания. Декларация, выпущенная правительством 24 августа, с обещанием созыва Учредительного Собрания, не распространялась на фронте из-за противодействия офицеров. Главной деятельностью правительства в конце концов осталась заготовка технического и продовольственного снабжения для армии и запасов для голодающего Петрограда, с которыми белые должны были туда явиться. Было уже заготовлено 400 000 пудов муки в Выборге, сало, молоко, бобы, 200 000 пудов муки в Ревеле, велись переговоры о закупке в Эстонии $1^1/_2$ млн пудов картофеля. Подписывалось соглашение с финскими огородниками на поставку овощей. Было заказано в Америке 600 000 пудов муки, $1^1/_2$ млн пудов риса и сахара. Одним словом, недаром белые обещали в своих листовках засыпать Петроград белыми булками. Тем не менее во время их пребывания в Гатчине, за 17 дней белые съели все гатчинские запасы, населению ничего не давали, а мобилизованным на окопные работы выдали по 3 фунта картошки, 2 фунта селедок и $^1/_4$ фунта муки.

Что касается управления, здесь дело обстояло хуже. Министр земледелия выработал проект землеустройства, отменявший приказ № 13 и сохранявший земельные отношения, бывшие до прихода белых. Но этот проект появился только 18 октября, т. е. в разгар наступления, и конечно никакого практического значения не имел.

Перед наступлением вообще, а в разгар его успеха в особенности, генералы стряхнули с себя ненавистное обязательство якшаться с демократами. Реакция все больше звереет, мечтает о расправе с красным Петроградом, об истреблении специальными карательными отрядами по заранее заготовленным спискам всех видных красных. Юденич писал своему другу, что в Питере будет установлена твердая власть и произведена соответствующая расправа. Среди воен-

ных ходил слух, что в течение целого месяца гражданских властей не пустят в город, чтобы не мешали умиротворять город и свободно устанавливать «вешалки». Не мудрено, что Маргулиес полагал, что ехать в Петроград ему и Лианозову, это значит «украсить собой какой-нибудь фонарь, ибо на генерала Юденича насядут черносотенцы, Национальный центр, немецкие агенты, и все будут убеждать изъять нас из обращения».

После организации белого правительства Англия начала наконец снабжать Северо-западную армию. Да и пора было. Запоздание помощи вызывало ропот в армии; в особенности раздражал вид присоединившихся к Северо-западной армии в июле солдат отряда Ливена из Бермондтовской армии. Старые гвардейцы, они были прекрасно вооружены и обмундированы в мундиры и шинели германского образца и по своей дисциплине и внешнему виду напоминали «доброе старое время». По сравнению с другими частями ливенцы были образцовой частью (правда, и наиболее реакционной). Иначе выглядел например Тульский отряд, образовавшийся из красноармейцев, поднявших восстание в марте 1919 г. в Гомеле, под командой Стрекопытова. После подавления восстания они пробились в Польшу, где были посажены в концлагеря. Благодаря вмешательству французов, туляков перебросили в Латвию и через 2-3 месяца отправили на северо-западный фронт. В результате пережитых мытарств, гонений, систематического недоедания, тульский отряд превратился в распущенную разнузданную часть, без всякой дисциплины. В солдатской массе преобладало одно стремление — домой. Такой упадок духа, общий для многих белых частей, можно было переломить только хорошим снабжением.

9 сентября в Ревельский порт прибыл английский пароход с обмундированием. Первоначально этот пароход предназначался для английского десанта в

Архангельске, но в пути получил распоряжение, в связи с эвакуацией английских войск из Архангельска, взять курс на Ревель. Пароход доставил 40 000 комплектов обмундирования (рубашки, кальсоны, френчи, штаны, шапки, носки и пр.) для солдат и 4000 для офицеров, 48 000 пар ботинок с обмотками, 200 000 шинелей, провизию, а также вещи, ясно показывавшие, что этот груз предназначался для английского десанта: 20 000 чемоданчиков с бритвенными приборами, зубными щетками, футбольные шары и 3 огромных тюка клозетной бумаги. Маргулиес писал в своем дневнике: «Да здравствует культура, будет из чего курить солдатам папиросы». На пароходе было доставлено также 20 000 ружей, 15 млн. патронов и 30 грузовиков. На другом транспорте были доставлены орудия и танки. Но на орудиях не оказалось замков, а на танках, на которые столько надежд возлагалось на фронте, не оказалось пулеметных лент. Это тоже задержало начало операции.

26 августа в Риге, на заседании представителей всех окраинных государств под председательством Марша, было решено начать общее наступление на большевиков, и назначен срок на 15 сентября. Одновременно англичане обещали оказать серьезную поддержку своим флотом, заняв при приближении армии Красную Горку и Кронштадт. Непосредственное участие англичан выражалось в обслуживании английскими инструкторами танков и аэропланов.

Английский флот принес нам много вреда, несмотря на то, что большой согласованности действий с белой армией у него не было. Еще в конце декабря 1918 г. англичане захватили два эскадренных миноносца, «Спартак» и «Автроил». С середины мая они начали обстреливать береговые посты. 18 июня взорвали миной крейсер «Олег» у Толбухина маяка. Особенной смелостью и неожиданностью отличалась

атака на Кронштадт 7 моторных торпедных катеров, сопровождавшаяся налетом гидро-аэропланов. В ночь с 17 на 18 августа 7 быстроходных катеров прорвались через северный мелкий фарватер Финского залива, относительно которого считалось, что через него не может пройти никакое боевое судно, и ворвались в Кронштадтскую гавань. В то же время над Кронштадтом, его гаванями и фортами понеслись аэропланы, сбрасывавшие бомбы и стрелявшие из пулеметов светящимися пулями. На всех фортах и судах была пробита аэропланная тревога, и понятно, что все внимание было поглощено аэропланами; а в это время катера с огромной скоростью вошли в гавань и выпустили торпеды, которыми было потоплено учебное судно «Память Азова», служившее маткой для подводных лодок, и поврежден линейный корабль «Андрей Первозванный». В то же время катера обстреливали из пулеметов суда и стенки гавани. Эсминец «Гавриил» своим огнем потопил три катера, остальные спаслись, одновременно улетели и аэропланы. А днем 18 августа было произведено еще пять налетов на Кронштадт со сбрасыванием бомб.

Наступление подготовлялось. Белая армия снова сосредоточилась в Гдовском районе. Отдыха ей не давали. Англия непрерывно торопила, да и нельзя было терять времени. С юга наступал Деникин, а эстонцы, обещая помогать в наступлении, в то же время уже готовились начать мирные переговоры с Советской республикой.

ОКТЯБРЬСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

26 августа пал белый Псков, и в этот же день было решено наступление на Петроград. Кончился первый поход и начинался второй. Как мы видели, он запоздал, благодаря задержке английского снабжения, но все-таки перед наступлением армия была вся обмундирована. Дух ее сильно поднялся и, как все признают, моральное ее состояние было выше, чем в Красной армии, хотя, конечно, дух армии Юденича — это дух ее офицеров, а не солдатской массы. Перед самой операцией Юденич принял командование, назначив Родзянко своим помощником. Белая армия состояла из 5 дивизий и 1 отд. бригады и насчитывала в это время 17 800 штыков, 700 сабель, 57 орудий, 4 бронепоезда, 2 бронемашины и 6 танков.

Численность 7-й красной армии, состоявшей из 4 дивизий, достигала 24 850 штыков и 800 сабель при 148 орудиях, 2 бронепоездах и 8 бронемашинах, т. е. она имела количественный перевес и превосходство артиллерии. Но более короткий белый фронт был гуще насыщен штыками. В среднем приходилось на один километр фронта 120 штыков у белых и 100 штыков у красных. Недостаток артиллерии возмещался танками, которых у красных не было. Однако, эти танки не все участвовали в наступлении, потому что не могли перейти через разрушенный мост на реке Луге у Ямбурга.

Белым командирам, видевшим все в благоприятном свете, необходимость наступления казалась совершенно ясной. Дух армии укрепился; при поддержке могущественных союзников поход на Петроград не может быть не чем иным, как триумфальным шествием. Этот бодрый воинственный дух необходимо поддержать

немедленным наступлением. Кроме того, нужно помочь Деникину, который приближался к Орлу. Красная армия была брошена на юг, и удар на Петроград, оттянув ее силы, значительно облегчит задачу Деникина. Английский флот обещал поддержку, но в конце ноября Финский залив замерзнет, а поэтому с операцией надо торопиться, так как без содействия флота Кронштадт и Красная Горка не дадут приблизиться левому флангу армии. Также эстонцы, если операция будет отложена, заключат мир с Москвой, а это значительно свяжет белую армию, лишив ее Ревельского порта и эстонских железных дорог для снабжения.

Все эти и подобные соображения и расчеты белых не оправдались. Во-первых, со стороны английского флота не было почти никакой своевременной помощи. Лишь в конце октября, когда белые отступали, английский монитор обстреливал Красную Горку из 15-дюймовых орудий — последнего достижения техники британского империализма. В начале октября в Латвии неожиданно выступил Бермондт, организовав в противовес Сев.-зап. правительству свое Западное правительство, во главе с графом Паленом, с немецкой ориентацией. Первоначально Бермондт заключил соглашение с Юденичем о совместных действиях, но не исполнил приказа Юденича от 27 сентября выступить к Нарве в десятидневный срок, а вместо того 8 октября пытался захватить Ригу. Юденич объявил его вне закона. Английский флот 15 октября бомбардировал Ригу и выгнал остатки армии Бермондта в Германию.

Конфликт с Латвией, отнесшей выступление Бермондта на счет Юденича, заставил еще более насторожиться и без того враждебную Эстонию и еще сильнее осложнил положение в тылу. Эстонцы тоже не оказали достаточной помощи, так как ставили себе самостоятельные цели в Финском заливе — ок-

купацию берега, захват Красной Горки и Кронштадта. 14 октября они высадили десант в Копорском заливе, но, обстрелянные с Красной Горки, должны были уйти. Эстонцы хотели действовать без участия русских, из-за чего Юденич чуть не поссорился с ними.

Но тем не менее наступление началось. На обороне Петрограда стояли, считая с правого фланга, 6-я, 2-я, 19-я и 10 дивизии 7-й армии, растянутые более чем на 300 *км*. Такая растянутость фронта красных войск и полное отсутствие резервов позволили Юденичу легко прорвать фронт и быстро продвинуться вперед. 28 сентября одна группа Сев.-зап. армии с тремя танками начала демонстративное наступление на Струги-Белые и 4 октября заняла их. К 6 октября красное командование перебросило в этот район одну бригаду с Петроградского фронта и вновь взяло Струги. Таким образом, белым удалось отвлечь внимание и оттянуть часть наших сил от Петрограда. В ночь с 9 на 10 октября основная группа Юденича начала стремительное наступление на Петроград; 11 октября белые овладели Ямбургом и разорвали связь между 6-й и 2-й красными дивизиями. Начиная с 11 октября, красные части беспрерывно отступали к Петрограду. Основная задача белогвардейцев заключалась в том, чтобы прорваться на Детское Село и на Тосно по Николаевской железной дороге. С занятием Тосно Петроград был бы отрезан от Москвы и лишен подкреплений. 16 октября Юденич занял Красное Село и Гатчину, а правым флангом вновь захватил Струги. Разрыв между растянутыми дивизиями 7-й армии был настолько велик, что лево-фланговые 10-я и 19-я дивизии были подчинен 15 й армии, стоявшей южнее. К вечеру 17 октября фронт уже в некоторых местах приблизился к Петрограду на расстояние дальнего артиллерийского выстрела. К счастью для нас, белые не

захватили Николаевской дороги; генерал Ветренко, взявший Гатчину, не выполнил боевого приказа итти на Тосно, торопясь первым войти в Петроград и не сомневаясь, очевидно, что это произойдет и без занятия Тосно. 20 октября белые заняли Детское Село и Павловск. 2-я дивизия отошла на Пулковские высоты. В руках Красной армии оставалась узенькая полоска земли вдоль Финского залива, и всего 20—25 верст отделяли Петроград от врага.

Успех вызвал у белых сильный подъем реакционных надежд и повышенное настроение. Наступление на Петроград, о котором английские газеты проговорились еще в начале октября, до взятия Ямбурга, вызвало сильнейший интерес всей Европы. Это была «мировая неделя петербургской лихорадки». Во всех газетах печатались подробные сведения о ходе наступления, с расчетами на самое скорое занятие города. Чем ближе к Петрограду, тем более сияли «диктаторцы». 20 октября с Детскосельской станции белые дали радио о взятии Петрограда. Еще бы! Они ведь были в Царском Селе, почти что в самой столице. Мы уже видели, что Северо-западное правительство даже не хотели пустить в завоеванный город. Мало того, его решили упразднить даже до вступления в Петроград, признать диктатором Деникина и, конечно, снова отказаться от признания Эстонии. Правые круги, связанные с Национальным центром, уже тайно образовали свое собственное правительство в Петрограде, впоследствии в ноябре раскрытое и расстрелянное ЧК. Участвовавшая в заговоре эс-эрка Петровская была деятельным агентом английского шпионажа и заведывала всей корреспонденцией между Петроградом и компанией Юденича. В первой половине октября она получила из-за границы указание о необходимости сформировать в Петрограде временное правительство, «так как полуспекулятивное Северо-западное правительство не го-

дится». В ответ на это главный английский агент сказал ей, что такое правительство уже имеется и не хватает только министра внутренних дел. Главой этого правительства предполагался инженер-технолог Быков, кадет, один из деятелей Национального центра, преподаватель Технологического и Политехнического институтов. Были уже распределены все портфели и назначения. Одним из главных заправил всего дела в Петрограде был английский агент Поль Дьюкс; он выдавал себя за английского социалиста, приехавшего в Россию, чтобы собрать материал, с целью пропаганды в Англии в пользу Советской России. Он держал связь с Национальным центром в Москве. Заговорщики сумели опутать своими сетями самые ответственные посты. Центральной фигурой у них являлся Люндеквист, который служил в Красной армии, был начальником штаба Петроградской оборонительной группы, в апреле командовал Олонецким фронтом, а с июля по сентябрь состоял начальником штаба 7-й армии. Он разработал для Юденича и переслал ему план, по которому и происходило наступление на Петроград. Такую же крупную изменническую роль сыграл бывший полковник Медиокритский, заведывавший оперативным отделом Балтфлота. Он выработал план второго наступления, уже после того, как Юденич отступил и отбивался в Гатчине, и успел передать его за несколько дней до взятия красными Гатчины. Фактический начальник воздушного дивизиона Балтфлота, Берг, лично доставил в Финляндию тот план, по которому произошел налет английских катеров на Кронштадт. Изменником также был начальник Петроградской радиостанции, Рейтер — французский агент и т. д. и т. д.

Когда войска Юденича приближались, заговорщики готовили белогвардейское выступление внутри города. Они рассчитывали на 300 — 350 человек, частью

красноармейцев (служивших в Красной армии белых), частью хулиганов и китайцев, которые «пойдут за тем, кто даст им больше спирту». Это было все, что с помощью французского и английского золота могли найти русские белогвардейцы в Петрограде, и это обнаружило полное бессилие контр-революции.

Белые упивались успехом. Юденич телеграфировал в Ревель, чтоб держать наготове продовольствие, так как через два дня займет Петроград. Английские банкиры наседали на Юденича с проектом устройства англо-русского банка с монополией на валютные операции. В Ревеле укладывали чемоданы, русские деньги бешено поднимались, эстонская марка падала, развивалась неслыханная спекуляция, уже продавались петроградские дома.

Рассказывали, что ген. Газенкампф, командовавший Петроградской группой, на предложение посмотреть в бинокль на огни Петрограда ответил, что на следующий день он будет сам гулять по Невскому проспекту. Победители грабили Гатчину и Павловск, главным образом дворцы; упаковывали шелковые портьеры, посуду с царскими вензелями; для вывоза награбленного из Павловска было реквизировано до 1000 подвод. Из Гатчинского дворца вывезли три вагона дворцового имущества. После отступления награбленные вещи продавались за бесценок. До сих пор царскую посуду с вензелями можно встретить у крестьян в деревнях Ленинградской области. Царское добро продавалось потом и в эстонских городах. По Гатчине разгуливали пьяные офицеры, арестовывали и расстреливали всех заподозренных в принадлежности к коммунистической партии. За время господства белых в Гатчине было расстреляно и повешено по самым предварительным подсчетам 30 человек.

Какие же причины вновь способствовали такому быстрому успеху продвижения белых? Причины были те же, что и летом. К осени 7-я армия была еще

слабее, чем летом. Она только что выделила на южный фронт две дивизии, своих лучших коммунистов и наиболее опытных командиров. По свидетельству ее командующего тов. Харламова, 7-я армия представляла собой сборище мелких отрядов, отдельных частей, набранных из разных армий. Находясь непрерывно, без отдыха на фронте, без значительных подкреплений, она была подточена изнутри и отсутствием систематической политработы. Так же, как и летом, усталость и пониженное моральное состояние ослабляли ее боеспособность.

Вялому состоянию частей помогало также критическое положение с продовольствием. В сентябре в течение нескольких дней выдавали на фронте по полфунта, а в тылу по $^1/_4$ фунта хлеба. Рыбы не не было, мясо было 2-3 раза в неделю. Осенняя распутица превратила район боевых действий в сплошное болото и не давала возможности крестьянскому обозу подвозить пищу, фураж, снаряды. Остро чувствовался недостаток обмундирования и вооружения. Из 84 частей, доносивших о состоянии снабжения, 68 частей жаловались на недостаток обмундирования: белья, теплой одежды, обуви и т. д. Не было также медикаментов. Дезертирство, так же как и летом, принимало массовый характер. Масштаб дезертирства в округе с сентября по ноябрь включительно почти в два раза превосходил численность 7-й армии, а количество дезертиров только в Петроградской и Псковской губ. с избытком покрывало силы белой армии. Попрежнему, как и летом 1919 г. дезертиры и уклонявшиеся от мобилизации возбуждали крестьянские волнения, вовлекая в них иногда и середняков и даже бедняков. Впрочем, крестьянское недовольство таилось главным образом в тылу, а в прифронтовой полосе, испытавшей на себе белую власть, Красную армию встречали с радостью и оказывали ей всякую помощь.

Крупный урон принесло белогвардейское предательство Балтфлоту как раз в самый тяжелый момент обороны. Чтобы помешать английскому флоту подойти к нашему берегу одновременно с наступлением белых, командование Балтфлота решило поставить минные заграждения в Копорском заливе. В ночь с 20 на 21 октября 4 эскадренных миноносца, назначенных для этой операции, — «Гавриил», «Свобода», «Константин» и «Азард» — ночью вышли с Кронштадтского рейда и прошли в море. Под ветром и дождем шли они друг за другом в непроглядную тьму. Вокруг них мелькали неопределенные огни, говорившие о близости противника. Около параллели мыса «Долгий нос» все миноносцы одновременно попали на густое минное поле противника, и 3 из них взорвались. Около 6 часов утра 21 октября взорвался «Гавриил» и потонул через 20 минут. Затем взрыв потопил «Константина», который переломившись, быстро пошел ко дну. «Свобода» тонула 15 минут.

Спасся только «Азард», который шел последним. Не имея никакой возможности помочь тонувшим, он вернулся в Кронштадт. Команда и весь комсостав взорвавшихся эсминцев погибли. Спаслось лишь 19 человек с «Гавриила» и 6 со «Свободы». Это огромное несчастие, постигшее Балтфлот, долгое время приписывалось случайности, но теперь стало известным, что некоторые изменники из комсостава Балтфлота предложили белым сдать им 4 эскадренных миноносца, указав точно, когда, где и как пойдут миноносцы на разведку, и советуя англичанам пропустить их в море, а потом заградить им обратный проход между минными полями. Погибшие команды оказались жертвой измены. Спасшиеся моряки слышали, как с тонущих миноносцев кричали «ура». Балтфлотцы гибли, как герои.

С 11 по 20 октября Красная армия бежала, не задерживаясь на подготовленных позициях. В особен-

ности панически действовали на красноармейцев слухи о танках, которых не было в Красной армии. Пытались задержать белых исключительно отряды матросов, курсантов и коммунистов, безумную храбрость которых отмечали даже белые. Не имея никакой надежды на спасение, они не сдавались, а все гибли геройской смертью. Но эти небольшие отряды, сохранившие боевую устойчивость, не могли, конечно, изменить положения. Перелом наступил только тогда, когда отступление докатилось до Пулкова. Здесь только проявились результаты тех подкреплений, которые были брошены на этот фронт.

В Колпине сосредоточилась ударная группа Харламова, составленная большею частью из гарнизона Петрукрайона. Она должна была охватить Петроградскую группу белых с востока, но не сумела и действовала не с фланга, а во фронт и поэтому долго не могла выжать белых из Гатчины.

21 октября в 6 ч. утра 7-ая армия перешла в наступление и 21 и 22 октября одержала первые победы, при содействии линкора «Севастополь», который, стоя у Гутуевского острова, обстреливал Красное Село и Павловск из 12-дюймовых орудий. К вечеру 23-го были взяты Детское Село и Павловск. С 26 октября началось последнее решительное наступление. Юденич 17 дней держался в Гатчине, перебросив войска с Гдовско-Лужского направления, но 28 октября 15-ая армия ударила наперерез на его тыл и 31 октября заняла Лугу, охватив белых с правого фланга и этим заставив их уйти 3 ноября от Гатчины. Белые уже не могли отступить в Псковский район, а должны были двигаться к Нарве, к границам Эстонии. 7 ноября 15-ая и 7-ая армии, соединившись, заняли Волосово, а 10-ая дивизия — Гдов. 14 ноября овладели Ямбургом. Красная армия, укрепленная новыми стойкими резервами, переродилась. С каждым днем дух ее закалялся, несмотря на огромные потери. За время

с 20 октября по 17 ноября 7-ая армия потеряла ранеными около 10 тысяч, контуженными 500 чел., больными 7½ тысяч, а всего с убитыми более 19 тысяч, так что все подкрепления шли на восполнение потерь. Победа над Юденичем стоила очень дорого.

Впоследствии, после разгрома, белые обвиняли свою армию во всевозможных недостатках и хвалили Красную армию. В Белой армии они находили полное отсутствие единства командования, общего плана, это была не армия, а отдельные партизанские отряды высшего типа, действующие каждый за свой риск, не координируя действий и никому не подчиняясь. После первых успехов — ликование, победное настроение и несокрушимая уверенность Юденича, что все остальное доделается голыми руками. После первой заминки — растерянность высшего командного состава (главнокомандующий с 17 по 20 октября не знал, где какая его дивизия находится), одна часть наскакивает на другую, приказы не доходят по назначению и не выполняются, и армия вообще распыляется на отдельные самостоятельные части. Между командирами дивизий, на подступах к Петрограду начинается соревнование — кто первый в него ворвется (почему и не было взято Тосно).

Но несмотря на эти недостатки, гибель Северо-западной армии была не в том, что она отступила перед 7-ой и 15-ой армиями. Гибель ее заключалась в политическом ее поражении. Она не смогла взять Петроград. Она отступила перед могучим отпором революционных рабочих. Вся цель ее существования была уничтожена. Она была брошена Антантой и, по требованию Советской Республики, разоружена на границе эстонцами.

ПЕТРОГРАДА НЕ ОТДАДИМ

В течение полугода, с мая до ноября 1919 г. над Петроградом висела военная угроза. Дерзкий наскок ямбургской группы Родзянко, почти три месяца державший город в боевом напряжении, восстание на Красной горке, постоянная скрытая угроза со стороны Финляндии, клубки контр-революционных заговоров в тылу и, наконец, осеннее наступление Юденича. Но Петроград сумел укрепить силы Красной армии, защищавшей его. Крепкий рабочий тыл, с огромной волей победить, умереть, но не сдаться, проявил неисчерпаемые силы. Все снова и снова он напрягался, казалось бы уже совершенно истощенный, преодолевая холод и голод, готовясь к отчаянной защите, дружно, единодушно, сплоченно под самоотверженным руководством своей партии. Об этом много сказано, много написано, и до сих пор нельзя без волнения читать речи, которые поднимали дух петроградского пролетариата в те дни.

Вспомним, что представлял собой Петроград в те годы. Гражданская война истощила его. Голод и война уменьшили его население, разбежавшееся и вымершее. В 1920 г. оставалось всего около 750 000 чел. Промышленность, лишенная сырья и топлива, которые были отрезаны фронтами и блокадой, была совершенно обескровлена и замирала. В 1921/22 г. ее валовая продукция сократилась до 126 528 000 р., что являлось 18% довоенной (а в 1919 г. было еще меньше). Металлических заводов оставалось всего 64 из 266 довоенных. В каких условиях работали заводы, показывают цифры завезенного в Петроград топлива: в 1919 г. вместо 100 довоенных миллионов пудов заграничного угля — было всего получено

*

1,5 млн пудов; вместо 37,7 млн пудов нефти — 1,2 млн пудов. Главная роль от угля и нефти перешла к дровяному топливу, но и его было мало, не могло хватить и на заводы и на паровозы.

Уменьшился, конечно, и питерский пролетариат: ушли все связанные с деревней рабочие; вместо прежних 400 тыс., наполнявших Петроград в 1917 г., осталось к 1921/22 г. около 71 000, что равняется 28,8 довоенного числа. Металлистов, которые были всегда самым стойким, передовым отрядом рабочего класса, оставалось лишь 20 000, 21% довоенного числа, и удельный вес их понизился: вместо 39% всех рабочих, они составляли всего 29%.

Хлеба не было. Он был на Украине, в Сибири, его нужно было завоевать. Вот цифры ввоза продовольствия за 1920 г., которые дают понятие о голоде в Петрограде, даже принимая во внимание втрое уменьшившееся население: хлеба 96 000 тонн (вместо 300 000 за 1913 г.), крупы — 0 (вместо 20 000), картофеля 32 800 (вместо 82 000), мяса 4000 туш (вместо 189 500), сахару 8000 (вместо 68 000) и т. д. Смертность в Петрограде, повысившаяся в 1918 г. до 43,8 на тысячу (против средних 25), в 1919 г. достигла небывалой высоты, дойдя до 77 человек на 1000. В 1920 г., с концом гражданской войны, она упала до 50,1.

В таких условиях жил и боролся и побеждал петроградский пролетариат.

Как организована была защита Петрограда? Еще 2 мая, под угрозой финского наступления, Совет Рабоче-Крестьянской Обороны объявил Петроградскую, Олонецкую и Череповецкую губернии на осадном положении. В Петрограде образовался Комитет рабочей обороны, во главе с Г. Зиновьевым, с неограниченными полномочиями в городе и губернии. Он постановил в двухдневный срок провести мобилизацию всех рабочих, прошедших курс всеобуча, в городе

всем домовым комитетам бедноты немедленно организовать постоянную охрану зданий, в двухдневный срок сдать имеющееся у населения оружие в районные военные комиссариаты, бороться с дезертирством и паникой. Во всех районах Петрограда и на многих заводах были сформированы чрезвычайные политические тройки. Эти тройки являлись высшей властью в районе, на них легло проведение всех приказов и мероприятий по обороне. Затем организовалась Внутренняя оборона Петрограда во главе с Шатовым.

С 8 мая она приступила к спешной работе по укреплению города, разбив его на 4 боевых участка. В каждом намечены оборонительные линии, главным образом по левым южным берегам рек, где должна была завязаться борьба, в случае приближения и вступления белых. Боевой участок № 1 включал Елагинский и Петровский острова и Петроградскую сторону. Узловым пунктом обороны была Петропавловская крепость, которая должна была обороняться «до последнего человека и патрона». Боевой участок № 2 — Васильевский остров. Опорными пунктами являлись здание Биржи и Кадетского корпуса. Участок должен был наблюдать за возможной высадкой десанта на Васильевском острове. Боевой участок № 3 — Нарвский район. Опорными пунктами были Штаб округа, Адмиралтейство, Зимний Дворец и Эрмитаж. Боевой участок № 4 — Невский район. Все мосты на реках Неве, Большой, Средней и Малой Невках, Карповке и Ждановке были минированы.

Начальники боевых участков должны были в случае контр-революционных восстаний в городе, подавлять их особыми отрядами.

Город в полной боевой готовности ждал врага. Впоследствии, после отступления белых, Внутренняя оборона была упразднена, а вместо нее 18 июля создалось Управление начальника Петроградского укре-

пленного района. Петрукрайон создавался из Петрограда и его окрестностей радиусом до 15 километров. Границы его проходили от Ладожского озера, где впадает река Паша, по границе с Финляндией, через Ораниенбаум, села Ропша и Кипень, Гатчино, Тосно, Званку до Ладожского озера. Кронштадт и Балтфлот в него включены не были. Управлением Петрукрайона ведал Комитет обороны, а в оперативном отношении Реввоенсовет 7-ой армии. Основная его задача была — использование для обороны Петрограда всех материальных ценностей района, в чьем бы ведении они ни находились, проведение всяких мобилизаций, эвакуация Петрограда, разработка плана обороны и руководство фортификационными (укрепительными) работами, борьба с контр-революцией и т. д. Район был разделен на три сектора: 1) Карельский, для обеспечения Петрограда со стороны Финляндии, 2) Гатчинский — со стороны Сев.-западной армии и 3) Ладожский — со стороны Ладожского озера и междуозерного пространства. Кронштадтская крепость с Красногорским укрепленным районом составила четвертый сектор, подчиненный РВС 7-ой армии. В течение августа и, главным образом, сентября Петрукрайон постепенно укреплялся оборонительными работами, вплоть до второго наступления белых, но окончить их не успел, и при отступлении 7-ая армия не могла на них задержаться.

Теперь вернемся к защите города от первого наступления белых.

Работа Комитета обороны шла по трем линиям: мобилизация на фронт, приспособление тыла для нужд фронта и борьба с контр-революцией в тылу.

Была объявлена мобилизация петроградских рабочих, родившихся с 1879 по 1901 гг. С 20 мая по 18 июня явилось 23 832 мобилизованных; но тяжелое недоедание настолько отразилось на рабочем населении, что из них годными было признано 12 906

человек. Но не только мобилизованные готовились воевать. Кроме них, начали формироваться резервные рабочие полки из рабочих от 17 до 45 лет, не мобилизованных, но могущих носить оружие. В эти полки удалось привлечь до 6000 рабочих. Эти резервные полки назывались полками Петроградского Совета. Зачисленные в полки Петросовета ежедневно в определенные часы проходили военное обучение в частях, живя в то же время дома и продолжая работу на предприятиях. Руководили набором этих полков, принимая только честных и надежных рабочих, питерские коммунисты. Во все 8 районных штабов входили представители районных парткомов для политического воспитания рабочих. На командные должности тоже должны были проводиться, по возможности, коммунисты.

Конечно, и все питерские коммунисты, которые не были призваны в Красную армию, с самого начала были поставлены под ружье. На всех фабрично-заводских предприятиях и при райкомах РКП(б) с конца мая 1919 г, стали создаваться коммунистические взводы и роты, проходившие строевые занятия, посещение которых было обязательно для партийцев. Все коммунистические отряды вливались в Петроградский Коммунистический батальон в составе 750 членов партии и «особо надежных сочувствующих». В любое время, по вызову, все бойцы коммунистических частей обязаны были являться под ружье, и даже, уходя из дому, должны были сообщать, где их можно найти. Нарушение какого-либо приказа или распоряжения рассматривалось, как нарушение партийной дисциплины. В обязанности коммунистических рот входило дежурство и охрана партийных комитетов, патрули по своему району и выполнение всех экстренных поручений начальника Внутренней обороны, партийных органов и органов ЧК. Эти коммунистические части, как самостоятель-

ные единицы, продержались до конца июля, а потом стали вливаться в рабочие полки Петросовета.

Большую роль по организации боевых отрядов сыграли профсоюзы. Они создали прочные отряды, заслужившие славу, как, например, отряд железнодорожников из 600 человек, не раз использованный штабом; отряд рабочих водного транспорта, помещавшийся в общежитии Дворца труда — он состоял из 410 хорошо подобранных, хорошо вооруженных моряков, и прекрасно выполнял все задания штаба обороны. Он сохранился и до октября и участвовал в боях на Карельском и Западном фронтах. В течение буквально нескольких дней Совет профсоюзов обучил и послал в армию подкрепление из 160 пулеметчиков, напрактиковавшихся в устроенной им школе, в манеже у Исаакия. Эта школа продолжала выпускать пулеметчиков и после, вплоть до февраля 1920 г. Совет профсоюзов организовал также небольшой, но очень важный отряд подрывников для того, чтобы парализовать промышленность, в случае эвакуации Петрограда. Каждый отряд, организованный союзом, получал военное знамя от Совпрофа, и многие из них до сих пор хранятся в союзах.

Но не только военные и санитарные отряды выбрасывали профсоюзы во время июньского наступления белых; по первому требованию они посылали своих ответственных работников, организаторов, рабочих самых различных специальностей. Нужно ли было ускорить на железных дорогах перебрасывание частей, усилить подвоз продовольствия, усилить работу на металлических заводах, беспрерывные тревожные звонки со всех концов Петрограда неслись в Совет профессиональных союзов, откуда телефонограммы разносили их в местные ячейки.

Горячие протесты среди рабочих вызвала попытка эвакуации петроградской промышленности. Эвакуация, в самый разгар обороны, принималась ими, как

саботаж и проявление контр-революционной воли. Когда Ижорский завод в Колпине получил распоряжение о сворачивании завода, колпинский районный комитет обороны постановил: «Всякую эвакуацию прекратить, дабы не вводить дезорганизацию как в среду рабочих, а также и во вполне налаженную работу по бронированию автомашин, которые так необходимо нужны в настоящее время на фронтах, для отражения похода белогвардейских банд». «Мы, рабочие, — говорили ижорцы, — закаленные в боях, твердо верим в победу, крепко стоим на своих постах и знаем, что и когда нужно делать, когда и какую работу нужно производить и когда нужно заниматься эвакуацией».

Пришлось обратить серьезное внимание на очистку Питера от белогвардейских гнезд. Восстание на Красной Горке обнаружило, что в Петрограде существовало отделение Национального центра, имевшего довольно значительную шпионскую сеть в военных учреждениях.[1] Белогвардейская организация работала при поддержке иностранных консульств. При обыске их зданий было найдено много документов, доказывающих шпионский характер деятельности

---

[1] Главной фигурой петроградского отделения Национального центра оказался кадет Штейнингер, инженер, владелец технической конторы, известный под кличкой «Вик». При обыске у него найдено было письмо от представителя при штабе Юденича, Никольского.

— Мы очень просим вас, — писал Никольский, — укрепить с нами (т. е. передаточными инстанциями Юденича) связи и поддерживать их, так как считаем их работу необходимой, а вами пересылаемые сведения — очень ценными. До сих пор нельзя сколько-нибудь определенно установить срок взятия Петрограда. Надеемся на конец августа, но твердой уверенности у нас в этом нет. Весьма вероятно, что в ближайшие дни Юденич и все мы перейдем на русскую почву, на тот берег, чтобы целиком вложиться в непосредственную работу».

Интересное письмо было найдено у одного из белогвардейских офицеров, пытавшегося после мятежа на Красной

этих консульств, а также пулеметы, винтовки, а в здании румынского посольства даже оказалось орудие. Штаб обороны решил произвести массовые обыски буржуазных квартир. На помощь были привлечены до 20 000 рабочих и работниц. Эти добровольцы нашли 6625 винтовок, 141 885 патронов, 644 револьвера, несколько пулеметов, гранаты, пироксилиновые шашки и проч. Обнаружили мастерские офицерских мундиров, погон, и везде находили вполне достаточные, нередко обильные запасы продовольствия, в то время как рабочие жили впроголодь на паек. Эти многократные обыски не только обезвредили буржуазию, но в то же время дали рабочей массе наглядный урок о живучести контр-революции, который впоследствии многих привел в ряды партии.

Эта первая оборона высоко подняла боевое настроение рабочих. Новый подъем вызвала весть в сентябре об угрожающем наступлении Деникина на Москву. Как в Смольном, так и в Совете профессиональных союзов вся работа мгновенно перешла на военную ногу.

Петроградский комитет партии объявил мобилизацию по организации. Мобилизация должна была быть

Горке пробраться в штаб Родзянко. Письмо, подписанное этим «Виком» и адресованное Родзянко, было следующего содержания:

«При вступлении в Петроградскую губернию вверенных вам войск могут выйти ошибки, и тогда пострадают лица, секретно оказывающие нам большую пользу. Просим вас, во избежание подобных ошибок, — не найдете ли вы возможным выработать свой пароль. Предлагаем следующее: кто в какой-либо форме и фразе скажет слова «во что бы то ни стало» и слово «Вик» и в то же время дотронется правой рукой до правого уха тот будет известен нам, и до применения к нему наказания не откажитесь снестись со мной. Я известен господину Карташову, у которого обо мне можете предварительно справиться. В случае вашего согласия, благоволите дать ответ по адресу, который вам укажет податель сего».

закончена в три дня. На каждые пятнадцать членов партии в гражданских коллективах выделялся один товарищ и на каждые 10 коммунистов в военных коллективах — тоже один. Мобилизации подлежали только те члены партии, которые вступили до партийной недели. Остальные допускались, как добровольцы.

«Направляясь на южный фронт против Деникина, — обращался 7 октября Петроградский комитет партии ко всем пролетариям Питера, — мы должны по дороге разбить жалкие остатки банд Родзянко и Юденича. На шкурах этих белогвардейцев питерские массовики-коммунисты научатся, как бить Деникина. На южный фронт питерцы явятся с аттестатами победителей».

«Надо одним взмахом покончить с этой ядовитой осенней мухой Родзянкой, которая все время жужжит над нашим ухом, пытаясь укусить Красный Петроград».

В несколько часов были составлены списки товарищей, намеченных к отправке на Южный фронт. В течение суток они были обмундированы и вооружены с ног до головы, и поздней ночью, с красным знаменем, с оркестром, отряд добровольцев двинулся из ярко освещенного Дворца труда на Николаевский вокзал. Отправка трех отрядов на Южный фронт перед самым наступлением Юденича, ослабила и партию и профсоюзы и особенно Совет профсоюзов, который лишился почти всех своих лучших сил. Обстановка для налаживания новой обороны была трудная.

15 октября Деникин взял Орел, а Юденич стоял у Гатчины. Политбюро ЦК ВКП(б) во главе с В. И. Лениным рассматривало положение на фронтах и, «признавая наличность самой грозной военной опасности», постановило «добиться действительного превращения Советской России в военный лагерь». О Петроградском фронте Политбюро постановило: «Петрограда не отдавать. Снять с Беломорского фронта максималь-

ное количество людей для обороны Петроградского района. Помочь Петрограду посылкой некоторого количества кавалерии. Вопрос о Северном и Западном фронтах рассматривать лишь под углом зрения безопасности Московско-Тульского района в первую очередь, Петрограда — во вторую очередь... Предложить Троцкому, после проведения в Реввоенсовете срочных мер, съездить на сутки в Петроград».

15 октября было усилено осадное положение в Петрограде. Было запрещено всякое свободное движение по улицам города после 20 часов. Театры и кинематографы закрывались, прекращалась частная торговля кафэ и лавочек, квасных, фруктовых (кстати в одной из таких лавочек, торговавшей сахарином, был белогвардейский притон предателя Люндеквиста). Устанавливалась проверка в течение всех суток автомобилей, мотоциклетов, экипажей. Все частные абоненты выключались из телефонной сети.

Первоначально серьезность положения не вполне оценивалась Петроградским Советом, и вопрос о внутренней обороне города не поднимался, хотя все рабочие, красноармейцы, матросы призывались на защиту. Уже 16 октября был в самом срочном порядке отправлен на фронт большой отряд из ответственных работников Совета Народного Хозяйства. Многие участники его совсем не владели оружием. Конечно, он должен был действовать, как ударная часть в психологическом смысле, и эту роль он выполнил. На фронте он развернулся в живую заставу, которая останавливала отступавших красноармейцев, приводила их в порядок и задерживала до прихода подкреплений.

Но уже по дороге в Питер, в своем приказе от 16 октября, председатель Реввоенсовета Троцкий писал: «Задача не в том только, чтобы отстоять Петроград, но в том, чтобы раз навсегда покончить

с Северо-западной армией. С этой точки зрения для нас, в чисто военном отношении, наиболее выгодным было бы дать юденической банде прорваться в самые стены города, ибо Петроград не трудно превратить в большую западню для белых. Петроград не Ямбург и не Луга, он занимает площадь в 91 кв. версту. В Петрограде почти два десятка тысяч коммунистов, значительный гарнизон, огромные, почти неисчерпаемые средства инженерной и артиллерийской обороны. Прорвавшись в этот гигантский город, белогвардейцы попадут в каменный лабиринт, где каждый дом будет для них либо загадкой, либо угрозой, либо смертельной опасностью.... Для этого нужно только, чтобы несколько тысяч человек твердо решили не сдавать Петрограда.... Конечно, уличные бои сопряжены со случайными жертвами, с разрушением культурных ценностей, это — одна из причин, почему полевое командование обязано принять все меры к тому, чтобы не допустить врага к Петрограду... Невинные жертвы и бессмысленное разрушение легли бы целиком на ответственность белых бандитов, а мы ценой решительной, смелой, ожесточенной борьбы на улицах Петрограда достигли бы полного истребления северо-западных банд. Готовься Петроград! Дни Октября не раз бывали в истории для тебя великими днями. Тебя судьба призывает в этом Октябре вписать новую, быть-может, славнейшую страницу в историю пролетарской борьбы».

Этот план удушения врага на улицах Петрограда, очевидно, повлиял на Комитет обороны Петрукрайона, который вместе с Троцким заседал на следующий день, 17 октября. На этом заседании было положено начало серьезной организации внутренней обороны. Вновь был назначен начальник Внутренней обороны, комендант Петрукрайона Авров. В районах были учреждены районные штабы внутренней обороны. Город превращался в крепость.

17 октября для защиты районов вновь была объявлена мобилизация рабочих тех же годов (1879 — 1901) со сроком явки в тот же день. Она должна была проходить при полном содействии всех фабзавкомов и партийных коллективов. Сборным пунктом являлись районные штабы. Там из мобилизованных формировали территориальные полки и переводили на боевой красноармейский паек. Кроме того, районным штабам приказано было создать еще резервные отряды с командой пулеметчиков и разведчиков из рабочих, оставшихся не мобилизованными. Мобилизация не распространялась на те фабрично-заводские предприятия, которые должны были бесперебойно продолжать работу.

Брошенный Петроградским Советом 19 октября лозунг: «Отстаивать каждую пядь нашей земли, каждую улицу и каждый дом в самом Петрограде» вновь подхватили рабочие массы. Предстояла огромная работа: в течение десятка, другого часов превратить Питер в крепость, создать связь, наладить транспорт и произвести огромные оборонительные работы внутри города. Нужно было установить внутри Питера режим осажденной крепости, чтобы не дать подняться контр-революции. Было понятно, что только по иниацитиве из низов, когда каждый рабочий ясно усвоит, что он должен защищать свой дом, свой станок, свою фабрику, свой завод, может быть проделана эта колоссальнейшая работа. Поэтому все работы по обороне были переданы на места, в районные штабы. За центром осталось лишь общее руководство. Районные штабы наладили прежде всего связь. Телеграф и телефон были объявлены полевыми. Техническую связь обороны установили и обслуживали посланные профсоюзом работники связи. Живую связь выполняли команды комсомольской молодежи и работницы. Из работниц же были созданы многочисленные санитарные летучки. Тут нужно отметить,

как горячо, не щадя себя, не зная усталости, питерские работницы защищали Петроград.

Они дали для нужд обороны 14 000 человек, из которых на непосредственные фронтовые работы пошло 2660.

Задача транспорта для переброски отрядов внутренней обороны и их снабжения, а также для нужд армии, перевозки раненых — была тоже разрешена районными штабами. Они забрали все грузовики, автомобили, подводы. А для оборонительных работ — рытья окопов и т. д., были мобилизованы не только рабочие, но и обыватели и даже буржуазия. В горячке все были вовлечены в общее дело, и многие добросовестно и охотно помогали. С юга и с запада начались спешные работы. Южная часть города представляла сплошную укрепленную зону, где противник на каждой улице попадал бы под перекрестный ружейный и пулеметный, а на главных путях и под артиллерийский огонь. Позиции шли по внешнему Обводному каналу, по берегу реки Невы и ее рукавов. В окнах городских зданий были устроены бойницы из земляных мешков (так был, например, укреплен Дворец Труда); были вырыты окопы, поставлены проволочные заграждения. Для продольного обстрела на главных улицах стояли легкие орудия, прикрытые броневыми щитами. На важнейших площадях и перекрестках было приготовлено до 57 орудий. Из них 5 были поставлены на трамвайные платформы и могли передвигаться. В верхних этажах и на чердаках домов были установлены пулеметы; на набережной Невы воздвигнуты баррикады из сломанных барок.

Заводы, работавшие для нужд обороны, не щадили сил. В особенности отличался Путиловский, теперешний «Красный Путиловец», который стоит на самой дороге к фронту. Как только появились на Петергофском шоссе у завода беженцы, повозки с военным

снаряжением, солдаты с угрюмо сосредоточенными лицами, как только почувствовалась близость фронта, у металлистов-путиловцев закипела работа. Путиловский завод давал помещение и ночлег для отступавших красноармейцев и оказывал помощь выселяемым из домов, расположенных на окраине города. Под наблюдением завкома рыли окопы, послав туда более полутораста человек. Не замечалось ни усталости ни уныния. Завком работал и днем и ночью. По Петергофскому шоссе гудели грузовые и легковые автомобили. К артиллерийскому, вагонному, автомобильному и паровозному отделам Путиловского завода предъявлялись со всех сторон спешные требования на артиллерию и ремонт. С необычайной быстротой, иной раз менее чем в сутки ремонтировались паровозы и бронепоезда. По первому вызову являлись на экстренные ночные работы и рабочие и специалисты. В некоторых случаях интенсивность труда была поднята более, чем в три раза. Много было изобретено тут же на месте приспособлений, заменявших недостающее оборудование. Когда понадобились на фронте красные танки, то в самом экстренном порядке в лафетно-снарядной мастерской, при работе по 12—16 часов в сутки, были оборудованы 5 броневиков со специальными гусеничными приборами системы Кегресса для перехода канав. Такой авто-Кегресс, разрушенный, без колес, до сих пор стоит на одном из дворов Путиловского завода. В общем за период с 10 октября по 10 ноября завод выпустил из ремонта 32 пушки разного калибра и сделал 40 новых, сделал 24 панорамы к прицелам различных пушек и одну зенитную батарею для Северного фронта, отремонтировал 8 бронепоездов и для этих поездов отремонтировал и выпустил новых 16 вагонов. Затем выпустил броневые автомобили Остин с двигателями Кегресса, ремонтировал 17 грузовых, броневых и прочих автомобилей и мн. др.

300 коммунистов от завода и 200 от Путиловской верфи пошли на фронт.

В эти недели опасности рабочие крепко сроднились с партией, и объявленная в Петрограде партийная неделя дала около 5000 новых членов.

Также отозвалась и Москва на наступление Деникина — там в результате партийной недели было 15 000 заявлений.

Северо-западная армия погибла. По требованию Советского правительства, приступившего к мирным переговорам, эстонцы должны были ее разоружить. Беженцев, следовавших за белой армией, в Эстонию не пустили, и они гибли и замерзали перед проволочными заграждениями.

Рассыпались и все власти, опиравшиеся на белую армию. 28 ноября Юденич сдал командование ген. Глазенапу. 5 декабря ликвидировалось Северо-западное правительство. 22 января 1920 г. приказом Юденича ликвидировалась Северо-западная армия. Балахович свел свои счеты. Он арестовал Юденича в Ревельской гостинице, в присутствии эстонской полиции 28 января и увез его в Тапс. Юденича освободили, получив с него все остатки денег, которых было 227 000 фунтов, 1/4 млн. финских марок и 110 — 115 млн. эстонских марок. Это все, что осталось у него для ликвидации армии.

«Все опять у разбитого корыта, подводит итоги Маргулиес, — «Германофилы уничтожены полным поражением Бермондта, черная сотня и Национальный центр — поражением Юденича, Колчака и Деникина, мы — отрицательным отношением к нам Эстонии и интригами Франции против поддерживающих нас англичан. Все поражены, одни большевики победили».

Победа над Юденичем была в чистом виде победой над Антантой. Интервенция оказалась битой. Тот ущерб, который нанесла интервенция в Прибалтике достоянию Советской Республики, оценивается не

менее, как в один миллиард рублей. Сюда входит финансирование Юденича Колчаком, отпустившим ему 800 000 фунтов в счет русского золотого запаса, и израсходование этих денег на контр революцию; захват и потопление судов Балтфлота; блокада Балтийского моря и закрытие портов, в которых сосредоточивалось до 1913 г. $^{2}/_{3}$ нашей морской торговли с Западом (за 1913 г. было ввезено в Россию всего 936,6 млн пуд. и вывезено 1472,1 млн пуд. В 1918 г. ввоз был равен 11,5, а вывоз 1,8 млн пуд. в 1919 г. ввоз был 0,5 млн пуд., вывоза не было вовсе), что приняло огромное экономическое потрясение невозможностью вывоза нашего сырья и ввоза машин и обострило разрушение промышленности.

Результатом победы над Антантой было снятие блокады 16 января 1920 г.

Другим результатом было заключение мира с Эстонией — первого мирного договора, заключенного РСФСР.

Победа рабочего города и рабоче-крестьянской Красной армии над империалистической техникой и офицерским опытом белой армии — это символ победы в гражданской войне. Одновременно были разгромлены и другие фронты. 14 ноября взят Омск — столица Колчака, а 9 ноября — конец операции, отбившей Деникина, и начало его бегства к Черному морю.

ЧТО ЧИТАТЬ ПО ИСТОРИИ БОРЬБЫ ЗА ПЕТРОГРАД.

1. Н. Корнатовский. Первое наступление белогвардейцев на Петроград. (Гражданская война на северо-западе России в 1919 г.) Красная летопись, 1928, №№ 2 и 3.
(Исследование по архивным источникам.)

2. Д. Надежный. На подступах к Петрограду летом 1919 г. С десятью схемами. Госиздат (год не ук.) стр. 163.
(Военное исследование по архивным источникам.)

3. Н. Корнатовский. Второе наступление белогвардейцев на Петроград. Красная летопись, 1929, №№ 1, 2, 3.
(По архивным источникам.)

4. Борьба за Петроград. 15 октября — 6 ноября 1919 г. Госиздат. М. 1920, стр. 317.
(Сборник статей участников и документов).

5. Доблестная защита Петрограда в октябре 1919 г. С семью схемами. Госиздат М. 1921, стр. 109.
(По материалам полевого штаба РВСР.)

6. В. Драгилев. 2-е наступление Юденича на Петроград. Сборник трудов Военно-Научного О-ва, кн. 2, 1922 г., стр. 46 — 69.
(Военный очерк.)

7. Юденич под Петроградом. Из белых мемуаров (Б. Горн, М. Маргулиес, Г. Кирдецов, Н. Иванов) с пред. Л. Китаева. Изд. «Красн. Газ.» Л. 1927, стр. 256.

8. С. Венцов. Героический город. «Гражданская война 1918 — 1921», изд. «Военн. Вестник» том I, стр. 256 — 274.
(Популярный очерк.)

9. Н. Какурин. Борьба за Петроград в 1919 г. С тремя схемами. Госиздат Отд. Военн. Лит. 1928, стр. 68.
(Популярная брошюра.)

10. Н. Подвойский. Коммунары защищают Красный Петроград. Москва, 1920.
(Популярная брошюра.)

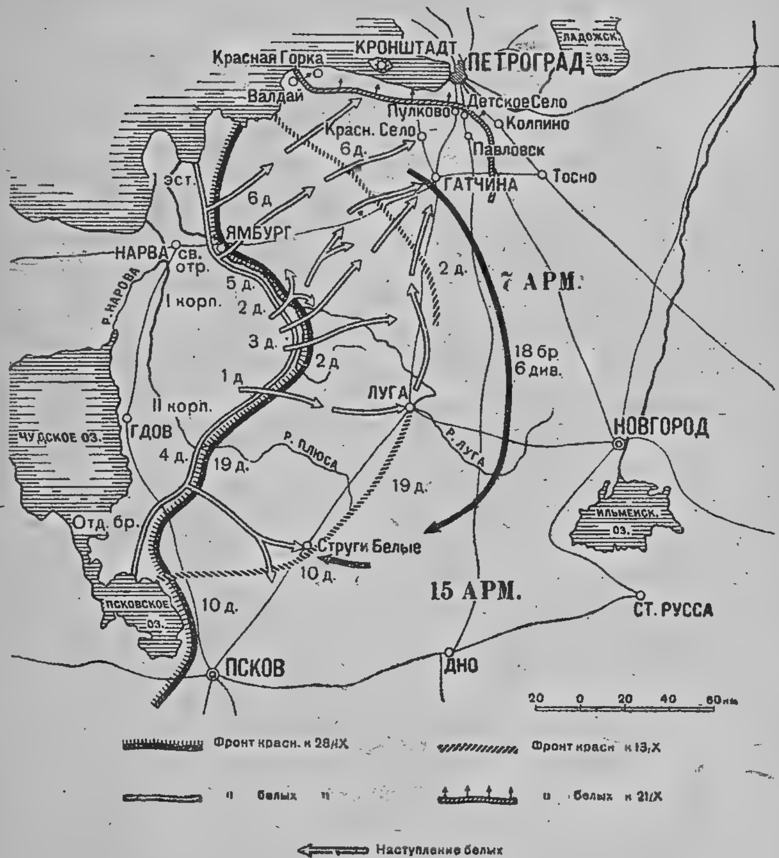
11. Ф. Костяев. Интервенция в Прибалтике. Сборн. «Кто должник». Авиоизд. М. 1926, стр. 481 — 511.

*

12. М. Бах. Политико-экономические взаимоотношения между СССР и Прибалтикой за десять лет. Изд. Коммун. Акад. М. 1928. Гл. I. От октября до мирных договоров, стр. 5—37.

13. Гражданская война Боевые действия на морях, речных и озерных системах. Т. 2, часть I. Балтийский флот 1918—1919 гг. Ред. Изд. Отд. Морск. Сил РККФ. Л. 1926. Главы VI, VII. Первое и второе наступление на Красный Петроград, стр. 152—211.

СХЕМА ОСЕННЕГО НАСТУПЛЕНИЯ ГЕНЕРАЛА ЮДЕНИЧА НА ПЕТРОГРАД В 1919 Г.

СОДЕРЖАНИЕ.

Лен
Гра:
Имг
При
ел
Пер
Под
Ант
Окт
Петр
Что
Схе

